

18+

Михаил Каншин

УЧАСТНИК ФЕСТИВАЛЯ
«КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ - 2018»

Изгнание игвы

Как исправить ошибку магов

Михаил Каншин

**Изгнание игвы. Как
исправить ошибку магов**

«Издательские решения»

Каншин М.

Изгнание игвы. Как исправить ошибку магов / М. Каншин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851499-9

Давным-давно, когда магия еще не ушла из этого мира, два великих мага совершили ошибку, и из потустороннего мира пришел дракон — воплощенное зло. Но в мире людей было свое зло — жестокая герцогиня, стремящаяся к безграничной власти. Противостоять коварной герцогине и дракону-игве, чтобы помешать им объединиться, волею обстоятельств выпало Фрэнку Корде и его друзьям. Динамичный фэнтезийный сюжет увлекает и заставляет с интересом следить за приключениями героев, сопереживая их удачам и неудачам.

ISBN 978-5-44-851499-9

© Каншин М.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Дракон. На поиски сокровищ	7
Глава 1. Нападение дракона. Страшная жатва	7
Глава 2. Миссия дон Алонсо	10
Глава 3. Герцогиня Эльза. Бедный дон Алонсо	13
Глава 4. Спасение Старого Питера	17
Глава 5. Энрике Корда в Ларне. Рассказ старины Джо	21
Глава 6. Король Эдгар и принц Эдвин. Матримониальные планы	26
Глава 7. Две сестры. Поклонники Елены	30
Глава 8. Коварные планы герцогини	37
Глава 9. Подготовка экспедиции	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Изгнание игвы Как исправить ошибку магов Михаил Каншин

Татьяна Геннадьевна Платонова *Иллюстратор*

© Михаил Каншин, 2024

© Татьяна Геннадьевна Платонова, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-4485-1499-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Герцогство Илирия, королевство Ольви́ния и окрестные территории.

Часть 1. Дракон. На поиски сокровищ

Глава 1. Нападение дракона. Страшная жатва

О том, что ночь заканчивалась, можно было догадаться лишь по тому, что пелена тумана, стоявшего перед глазами, посерела. Из непроглядно-черной тьма постепенно становилась непроглядно-серой. С мостика по-прежнему не было видно даже ближайшей мачты, а фигуры вахтенных матросов казались бледными призраками, то возникавшими, то пропадавшими в тумане. Отсыревшие паруса, угадывавшиеся где-то вверху, висели бессильно и бесполезно, отчаявшись поймать хоть какое дуновение.

И все же дон Алонсо чувствовал движение – галеон «Св. Себастьян» медленно дрейфовал, слегка покачиваясь на небольшой волне. Куда несло его неведомое течение? Куда, черт возьми?! Пока туман не рассеется, и не станет возможным сориентироваться по солнцу, которое скоро должно было взойти где-то там, на востоке (где он, этот восток?), над невидимым горизонтом, ответить на этот вопрос было невозможно.

Дон Алонсо мог только предполагать, что шторм, бушевавший двое последних суток, отнес его корабль далеко на северо-восток, в сторону от их маршрута. Как это было некстати! Герцогиня ждала этот корабль с нетерпением, и она будет очень недовольна непредвиденной задержкой.

«Проклятый шторм! Он смешал все карты. Из-за него эту тихоходную посудину унесло черт-те куда! Еще и этот туман, который, кажется, окутал весь мир. Но не вечен же он!»

Таким мыслям предавался дон Алонсо, стоя на мостике галеона, когда услышал первые странные звуки. Они доносились откуда-то сверху, как будто над мачтами кружила гигантская птица, размахивая исполинскими крыльями. Рассвет уже сделал туман светло-серым, и дону Алонсо почудилось, что он увидел промелькнувший вверху какой-то огромный темный силуэт. Он пронесся над кораблем, и туман за клубился, словно действительно был встревожен чьими-то огромными крыльями.

«Тысяча чертей! У меня, кажется, начинаются видения. Слишком устал... – дон Алонсо провел ладонью по лицу. – Надо бы пойти прилечь, поспать хоть часок после этих бессонных ночей». Он так и решил поступить и уже хотел было приказать стоявшему на руле Старому Питеру, чтобы тот продолжал вести корабль сквозь туман так же осторожно, постоянно делая замеры глубины, но тут призрачный темный силуэт опять промчался над кораблем, и яркий огненный комок размером с большое пушечное ядро прошел паруса и ударился о палубу в районе грот-мачты, рассыпавшись брызгами пламени. Палуба корабля осветилась сполохами огня.

Пока пламя не запылало во всю мощь, его еще можно было потушить. Дон Алонсо бросился на бак, стремясь понять, в чем дело, и организовать тушение пожара. Но новый огненный сгусток опять ударился о палубу, потом еще и еще. Они падали на головы матросов, отесняя их, а вместе с ними и дон Алонсо, на форпик. Матросы металась по палубе, не понимая, что происходит. Неизвестность – вот источник паники, которая начала разгораться, как сам пожар. Люди не понимали источник опасности, не понимали, откуда, как и почему на их головы вдруг начали падать огненные клубки, и не знали, как с этим бороться. Когда же увидели, откуда на них низвергаются эти сгустки пламени, они еще больше обезумели теперь уже от страха и ужаса. Корабль был обречен.

Даже много времени спустя дону Алонсо часто снились кошмары той ночи: пылающие мачты и такелаж, охваченные пламенем, обезумевшие люди, мечущиеся среди этого пламени и бросающиеся за борт в надежде хоть там найти спасение от огня и чудовища. А видение

страшной драконьей пасти, вдруг возникающей из тумана, из которой вырывается и несется вниз на его корабль смертельный огненный плевок, страшный взгляд равнодушных желтых глаз чудовища, казалось, навечно поселились в его воспаленном мозгу.

Он стоял на самом носу, на бушприте, и бессильно наблюдал, как пламя подбирается к носовому пороховому погребу. Потом прогремел взрыв...

Старый Питер был на мостике вместе с доном Алонсо, когда начался этот кошмар. Непосредственно перед этим именно он, старый лоцман, вел корабль на ощупь в тумане через Архипелаг. Хотя слово «вел» здесь не совсем подходит. Теперь, после того как шторм, по своей прихоти трепавший галеон два дня, кончился так же внезапно, как и начался, и когда их заключил в свои цепкие объятия плотный туман, корабль медленно дрейфовал, влекомый течением. Интуиция опытного лоцмана подсказала, что их отнесло в Архипелаг. Он даже приблизительно сумел определить место, где именно они очутились, и сейчас, пока они не напоролась брюхом на какой-нибудь подводный риф, которыми изобиловали здешние места, самым благоразумным было бросить якорь и дожидаться, пока этот проклятый туман рассеется.

Когда он понял, куда их занесло, сердце его сжалось в недобром предчувствии. Северный Архипелаг. Туманы для этих мест явление частое. И вообще, недобрые это места. Моряки всегда старались подальше их обходить. «Дьявол! Только этого мне не хватало! Остается одно – молиться и надеяться, что пронесет...»

Команда матросов постоянно замеряла лотом глубину под килем. Она уже достигла якорной и продолжала уменьшаться. Старый Питер был готов отдать приказ бросить якоря, когда он услышал тот же звук, что и дон Алонсо, – звук взмахов огромных крыльев.

Пожар – самое страшное, что может случиться на деревянном паруснике. Если его не задушить в самом начале, в зародыше, то потом уже не остановить – огонь уничтожит все. Когда Старый Питер понял, что «Св. Себастьян» уже ничто не спасет, он прыгнул за борт.

Жесткая, задубевшая на морских ветрах натура старого моряка спокойно, без паники и удивления, приняла факт нападения дракона на галеон. Он был практик, к тому же в глубине души веривший в старую легенду, поэтому появление страшного чудовища не парализовало его волю. Он трезво оценил ситуацию и постарался действовать в соответствии с ней.

Единственным его шансом на спасение было постараться отплыть подальше от гибнущего корабля, скрыться в тумане и надеяться, что чудовище его не заметит. А уже потом уповать на то, что он взял правильное направление и сможет доплыть до ближайшего острова, или отдаться на милость течения, надеясь, что его прибьет к какому-то берегу до того, как силы покинут его, и он пойдет ко дну.

И вот он плыл прочь, дальше, как можно дальше от этого страшного места и, завороченно оглядываясь назад, с ужасом наблюдал, как из тумана в круг, освещенный пламенем горящего галеона, вырывалось чудовище, словно вышедшее из ада, и проносилось над самой поверхностью моря вблизи охваченного пламенем корабля, пожиная свою страшную жатву.

Дракон, на чешуйчатой шкуре которого играли отблески пожара, отчего она казалась золотой, а весь он целиком – словно выкованным из драгоценного металла, методично облетал корабль по кругу, вырывая своими когтистыми лапами из воды несчастных матросов, пытавшихся в воде найти спасение от пламени. Тут же он откусывал им головы, отбрасывал обезглавленное тело в сторону и продолжал свой полет за новой жертвой. Иногда он поддевал жертву ударом своего длинного хвоста со страшным шипом в виде крюка на конце и подбрасывал ее прямо к пасти, которая уже доделывала свою часть ужасной работы.

С каждым кругом чудовища на поверхности моря оставалось все меньше и меньше голов пытающихся хоть как-то спастись людей.

«Да поможет им бог», – подумал Старый Питер и, уже больше не оборачиваясь, поплыл что есть силы дальше в туман. Еще через какое-то время он услышал за спиной сильный взрыв, но уже никак не отреагировал на него.

Глава 2. Миссия дона Алонсо

Легкий корвет «Св. Симона» с мощным вооружением, которому бы позавидовал и большой корабль, был втайне снаряжен доном Алонсо по распоряжению герцогини Эльзы для выполнения секретной миссии. Отчаянная и авантюрная душа дона Алонсо, барона ди Сааведра, в которой с легкостью уживались рафинированный аристократизм двора герцогини и беспокойный дух морского волка, радовалась очередной возможности организовать рискованное дело. Да и перед заманчивыми посулами герцогини трудно было устоять. И вот, набрав команду таких же авантюристов, как и он сам, дон Алонсо снарядил корабль и отправился на лихое дело.

В течение почти двух месяцев корвет пиратствовал в заранее определенном районе на оживленных торговых путях, выслеживая нужный корабль. Дон Алонсо не гнушался никакой добычей, на свой страх и риск нападая на торговые суда, хотя герцогиня категорически запретила ему это. Его целью должен был быть один-единственный корабль – галеон «Св. Себастьян», выследить и захватить который и было его задачей. Координаты района, через который он должен был пройти, и приблизительное время были переданы ему в строжайшем секрете лично герцогиней перед самым отплытием.

Надо отдать должное дону Алонсо – почти весь первый месяц он в точности следовал установкам герцогини: скрытно дрейфовал или рыскал галсами в районе поиска, приближаясь к проходящим судам ровно настолько, чтобы можно было убедиться, что это, увы, не тот корабль, который был ему нужен. Но дни шли за днями, а галеона все не было, и, хотя герцогиня и предупреждала, что названные сроки лишь приблизительны и ожидание может затянуться, все это стало раздражать капитана.

И вот наступил момент, когда жажда наживы и скука, которая разлагающе действовала на команду – дону Алонсо стоило больших усилий поддерживать дисциплину на корабле – наконец превысили предел его терпения. Капитана замучил зуд бездействия, и сжигало желание размяться в какой-нибудь заварушке. Поэтому он с облегчением принял решение: в ожидании основной цели напасть на какое-нибудь торговое судно – выпустить пар. Команда, которая тоже изнывала от безделья и уже начинала роптать, с ревом восторга приветствовала решение капитана.

Первой жертвой стал бриг с грузом пряностей и мануфактуры. Добыча была не ахти какой, но он сам и команда встряхнулись от одуряющей спячки, почувствовали вкус крови.

Лиха беда начало, и дальше дон Алонсо приказал захватывать чуть ли не каждую торговую бригадину, которая по злой прихоти судьбы оказывалась в достаточной близости от них.

Трюмы «Св. Симоны», как живот беременной морской коровы, отяжелели, заполненные награбленным товаром. Совсем небольшой корвет так низко просел под этой тяжестью, что еле тащился даже под всеми парусами.

...А галеона все не было. Сомнения стали посещать дона Алонсо. Неужели наводка в этот раз не сработала, и информация, которую передали герцогине, оказалась неверной? Все сроки уже подходили к концу.

Лишь на исходе второго месяца на горизонте появился долгожданный парус. Галеон «Св. Себастьян» вез из колоний полугодовую добычу алмазов с копей Гарибии. Вот она – главная цель дона Алонсо!

...Когда, вытерев о полу своего сюртука окровавленный кривой клинок, он вложил его в ножны и, еще разгоряченный схваткой, открыл первый сундук в особо охранявшейся каюте на корме захваченного галеона, в этот момент глаза его хищно и радостно засветились – в них отразился блеск алмазов. За это стоило продать свою душу! «И пусть я продал душу не дьяволу, а герцогине, но я-то знаю, что герцогиня и есть сам дьявол!»

Однако эта главная операция чуть не окончилась провалом. Отяжелевший корвет не мог развить нужной скорости. Это не позволяло догнать галеон и осуществить нужный маневр. Тогда дон Алонсо приказал выбросить все награбленное за борт. Выбросили все подчистую, хотя при этом дону Алонсо пришлось заколоть парочку особо непонятливых, возроптавших задир-пиратов, чтобы другие быстрее пошевеливались, исполняя приказ капитана. После этого облегчённая «Св. Симона» побежала, как резвая молодка на свидание с возлюбленным.

Эта заминка сыграла дону Алонсо на руку. На галеоне видели, что подозрительный корвет, который идет за ними на всех парусах, за весь день не приблизился ни на кабельтов. И даже стал понемногу отставать. Это успокоило капитана галеона Франсиско Солану. Вообще-то он и так не видел особой угрозы – он был уверен, что на хорошо вооруженный галеон никто не посмеет напасть, а теперь и вовсе успокоился, решив, что корвету, если на нем задумали что-то недоброе, их не догнать.

Ночь наступила безлунная и облачная. Лишь впереди робким маячком светились кормовые фонари галеона, что тоже объяснялось непростительной беспечностью его капитана. На корвете же все фонари были погашены, и под страхом смерти было запрещено пользоваться огнем. Разгрузку трюмов дон Алонсо приказал произвести уже в темноте, чтобы с галеона этого не заметили, и за борт полетели тюки, сундуки, бочки, ящики и другое барахло, защищая которое погибло столько невинных душ.

Как только все лишнее было выброшено за борт, облегченная «Св. Симона» рванулась вперед, подгоняемая свежим попутным ветром.

Она быстро настигла галеон, внезапно вынырнув из кромешной темноты уже на расстоянии прямого выстрела пушек.

Как ни жалко, но быстрый корвет пришлось в конце концов бросить – это последнее ночное сражение обошлось ему слишком дорого. Даже использовав полученный хитрым маневром фактор внезапности, корвет был настолько изрешечен ядрами в ближнем бою, когда шел на абордаж, что было удивительно, как он вообще удержался на воде.

Однако именно то обстоятельство, что корвет вот-вот пойдет ко дну, придало людям дона Алонсо такой заряд храбрости, что они не могли не победить. Пираты с остервенением лезли на абордаж, уже зная, что назад пути нет. Команда галеона сражалась храбро, но недолго смогла продержаться – и теперь последних из них, кого до сих пор минул клинок пирата, и кто не выбросился в море, пытаясь спастись за бортом, добивали на баке.

Капитан Солана и Каспер Орли, представитель казначейства его величества короля Ольвинии Эдгара II, с тремя телохранителями отчаянно защищались на подступах к каюте с сокровищами до самого последнего. Исход битвы был уже предрешен, и эта горстка, понимая, что они обречены, решила подороже отдать свои жизни. На них наседали полдюжины пиратов, трое других тут же корчились в луже крови. В это время дон Алонсо взбежал по трапу и присоединился к нападавшим. Капитан Солана, увидев его, в изумлении остановился, и его клинок застыл в воздухе:

– Дон Алонсо?!

Это были его последние слова.

– Рад встрече, капитан! – с издевкой ответил дон Алонсо и вонзил клинок в грудь Солане – ему не хотелось долго объяснять капитану галеона, своему давнему знакомцу, почему они оказались в такой ситуации. Следующим пал Каспер Орли. Остальных добила пираты. Все было кончено.

«Это уже в прошлом... А сейчас нужно скорее назад – в Илирию. О герцогиня! Обожаемая Эльза! Я достал тебе то, что ты хотела! Какие сокровища мы перехватили! Теперь ты настоящему оценишь дона Алонсо! И этому выскочке Фердинанду придется заткнуться!» – дон Алонсо позволил себе ненадолго отдаться сладостным мечтам.

Он стоял на мостике вместе со своим лоцманом Старым Питером, и не мог он знать, что им не суждено сбыться, что через несколько мгновений нападение на галеон страшного летающего чудовища сломает все планы дона Алонсо.

Глава 3. Герцогиня Эльза. Бедный дон Алонсо

У приоткрытого окна, забранного ажурной решеткой, в одной из башен своего замка в задумчивости стояла правящая герцогиня Илирийская Эльза. Это была стройная высокая женщина лет тридцати с правильными, точеными чертами лица. Есть такой тип красоты, который, поражая своим совершенством, все-таки не греет душу. Герцогиня была красива именно такой холодной и недоброй красотой. Глаза ее смотрели твердо и жестко, и каждый, на кого был обращен ее взгляд, испытывал невольное желание сжаться и куда-нибудь спрятаться. В этом взгляде были воля и непоколебимая уверенность в своем праве подчинять и отдавать приказания. Перед этой женщиной мало кто мог устоять.

Она была одета в длинное, черное с серым, парчовое платье, расшитое тонкой золотой нитью, с ослепительно белым высоким воротником. Задумчиво глядя на вид, открывающийся из окна комнаты, находящейся на самом верху башни, она о чем-то размышляла. Замок располагался на скалистом уступе, возвышавшемся над бухтой, по берегам которой раскинулась столица герцогства Илирийского – прекрасная Ларна. Одной своей стороной замок выходил на почти отвесный обрыв и смотрел на запад, на город внизу и бухту с морским портом. Другой стороной – на великолепный дворцовый парк, раскинувшийся по пологому восточному склону.

Окно, у которого стояла герцогиня, смотрело в сторону города и моря, и из него открывался прекрасный вид. Ветер, легким дуновением влетавший в комнату через открытые створки, чуть шевелил выбившуюся из прически прядь ее темных волос.

Рядом с ней на высоком резном столике стояла большая клетка с любимцами герцогини – почтовыми голубями особой черной породы. Герцогиня отвела свой взгляд от окна, взяла немного корма и, подойдя к клетке, стала задумчиво кормить голубей. Голуби возбужденно заворковали и, шурша и хлопая крыльями, принялись клевать корм.

Наконец она оторвалась от своих любимцев и повернулась к человеку, стоявшему в глубине комнаты и почтительно дожидавшемуся, когда герцогиня обратится к нему. Это был дорого одетый мужчина средних лет. В том, как он себя держал, чувствовалось, что это человек очень влиятельный. Однако было в нем и то, что выдавало его неаристократическое происхождение, – он сам проложил себе дорогу к тому положению, которое сейчас занимал возле герцогини.

– Ну что ж, Фердинанд, пошли за ним. Пусть приведут этого несчастного. Послушаем, что он нам расскажет. Хотя вряд ли мы услышим что-то новое, кроме того, что мы уже знаем, – с сомнением произнесла герцогиня. – Твой Мясник Краузе – мастер своего дела. Он, я полагаю, уже вышиб из него все, что можно.

Фердинанд криво усмехнулся, почтительно поклонился и, не говоря ни слова, направился к двери.

– Да пусть его приведут в порядок, а то он тут мне все перепачкает, – вдогонку бросила герцогиня брезгливо.

Когда дверь за Фердинандом закрылась, Эльза достала из ящичка секретера записку, которую ей принес голубь две недели назад, и еще раз перечитала ее: «Госпожа. Наши координаты XX градусов XX минут с. ш., YY градусов YY минут в. д. Следуем курсом зюйд-зюйд-ост в Илирию. Груз на борту. Все в порядке. Ваш друг здоров. До Ларны около пяти суток пути. Приближается шторм».

Герцогиня опять задумалась.

«Итак. Дон Алонсо почти сутки уже здесь. До Ларны оставалось пять суток пути. Итого шесть. С момента написания письма прошло две недели. Разница – восемь суток. Дон Алонсо утверждает, что шторм бушевал двое суток, и их отнесло куда-то на северо-восток. Как далеко?»

Герцогиня подошла к большой карте, разложенной на широком столе в глубине комнаты. Ее изящный пальчик ткнул сначала в точку с координатами из записки, а потом пополз вверх и вправо, вскоре остановившись на большом архипелаге, состоявшем из огромного количества мелких островов.

«Куда-то сюда... Н-да... Здесь можно спрятать не только корабль, а целую армаду. И никто не заметит. Сплошные скалы, лабиринт островов и проливов. Безлюдье. Мог ли дон Алонсо отсюда за шесть суток добраться до Ларны? Мог, если все было заранее спланировано. А если нет?.. Тоже мог. Ближайшее поселение – на побережье к юго-востоку оттуда. За двое суток можно добраться как-нибудь, если повезет. А дальше по суше, кратчайшей дорогой через перевал, хорошо заплатив, не щадя лошадей...»

Герцогиня была в затруднении.

«Проклятие! Если он украл корабль со всеми драгоценностями, то зачем он вообще вернулся сюда ко мне? Что-то не сходится! Но не верить же всерьез его рассказам о драконе! Мы все с детства знаем эту сказку, но это всего лишь легенда. И вот эта ожившая легенда поджигает мой корабль, и мои сокровища теперь лежат где-то на дне среди этих островов... Чуть собака! Так я ему и поверила!»

Кулачки герцогини сжались, а глаза ее недобро сощурились.

«Украл! Уничтожил верных мне людей, остальных подкупил. Хорошо хоть Бенедикто успел отправить последнего голубя... Корабль спрятал временно в Архипелаге и примчался сюда. Но зачем? Какова цель?.. Или не украл?..»

Сомнения глодали душу герцогини.

В этот момент послышался почтительный стук в дверь.

– Входите, – сказала герцогиня и опустила в кресло за столом.

В комнату первым вошел Фердинанд. За ним двое стражников ввели, поддерживая, с трудом стоящего на ногах дон Алонсо ди Сааведра. Стражники с доном Алонсо встали посреди комнаты лицом к герцогине, но на почтительном расстоянии от нее. Последним вошел еще один – крупный мужчина с лицом, как будто грубо вырубленным из камня и пересеченным страшным шрамом. Он встал за спиной бывшего капитана корвета. Это был Мясник Краузе – тайный палач и подручный Фердинанда, о котором ходили страшные слухи.

Некоторое время все молчали. Герцогиня разглядывала дон Алонсо. Когда-то довольно красивое тонкое аристократическое лицо дон Алонсо теперь было жалким – куда только делось бывшее высокомерие. Его глаза горели безумным огнем и мольбой, обращенной к герцогине.

– Бедный мой Алонсо, – тихо сказала герцогиня голосом, в котором не чувствовалось жалости.

– За что? – с трудом разлепив спекшиеся губы, прошептал дон Алонсо. – За что, герцогиня? Я был и буду верен вам до гроба. Я рассказал им чистую правду. Почему вы не верите мне?

– Милый мой Алонсо, – голос герцогини был нарочито печален, – мы уже вышли из того возраста, когда верят сказкам про драконов.

Герцогиня встала, обошла стол и приблизилась к дону Алонсо.

– Я даю тебе последний шанс, – уже жестко, без малейшего намека на жалость обратилась герцогиня к несчастному. – Я дала тебе все: деньги, немалую власть, пьянящий дух авантюры, который ты так любишь! Приблизила тебя к себе. Ты мог наслаждаться жизнью рядом со мной, если бы доставил мне то, за чем был послан! Мы вместе завершили бы наш великий план! Но тебя погубила жадность – добыча была, видимо, слишком богатой! Ты решил, что с таким сокровищем вполне обойдешься без меня. Ты украл его у меня, спрятал, а нам здесь рассказываешь сказки про дракона! Я даю тебе последний шанс, шанс на то, чтобы просто остаться в живых. Ты скажешь нам, где ты спрятал корабль с сокровищами.

– О, Эльза! Поверь мне – я не предавал тебя! Я понимаю, что в это трудно поверить, но все, что я рассказал, – чистая правда! Это дракон сжег галеон!

Герцогиня резко и негодуя встала. Дон Алонсо осекся. Мясник Краузе, что стоял у него за спиной, запустил пальцы в его волосы и резко заломил его голову назад. Дон Алонсо закричал:

– Я скажу! Я скажу, где лежат сокровища, только не убивайте! Я хорошо помню то место. Вы легко сможете их достать. Там неглубоко. Только не убивайте!

Герцогиня махнула рукой, и дон Алонсо увели. Вслед за ним вышел и Фердинанд.

Уже стемнело, когда Фердинанд вернулся к герцогине с точными координатами и приметам места, где горел галеон. Герцогиня была в своих покоях в вечернем легком туалете, огонь камина отблесками играл на ее открытых плечах и шее.

– Ну, что ты обо всем этом думаешь, мой Фердинанд? – спросила герцогиня.

Фердинанд жадно смотрел на ее плечи, точеную шею, словно трогая их взглядом. Однако он держал себя в руках и оставался предельно внимателен к настроению хозяйки. Чуть помедлил с ответом, взвешивая слова:

– Эльза, я думаю, что он просто сошел с ума. Нет, нет. Не в переносном смысле, а буквально. Все, что он рассказал, – правда. За исключением одного – дракона. Никакого дракона, конечно, не было. Это плод его воспаленного воображения. А остальное – было. Был шторм, их занесло в Архипелаг, потом на галеоне случился пожар, и он действительно затонул. А дон Алонсо свихнулся на этой почве. Это можно понять – такой удар! Огромное сокровище, которое было в его руках, и вдруг – ушло на дно! Он примчался сюда от страха, от преданности вам и оттого, что уже ничего не соображал.

Фердинанд ухмыльнулся на последней фразе.

– Да, пожалуй, это так. Я тоже склоняюсь к этому, – чуть помедлив, сказала герцогиня.

И все-таки она никак не могла избавиться от сомнений:

– Но как он спасся и добрался сюда?

– Он рассказывал довольно путано и сумбурно. Если отбросить все лишнее, то это выглядело приблизительно так. На судне, дрейфовавшем в тумане, по какой-то неизвестной нам причине начался пожар. Дон Алонсо пытался организовать команду на тушение, но пламя разгорелось очень быстро и к моменту, когда они предприняли попытки его потушить, было уже слишком сильным. Сверху начали падать обрывки горящих парусов, такелажа, обломившиеся реи. Короче, с тушением ничего у них не получилось. Огонь загнал дон Алонсо на самый нос, отрезал от шлюпок. Кто-то прыгал в воду от нестерпимого жара. Потом огонь подобрался к пороховому погребу, и тот взорвался. Алонсо повезло – он был на самом кончике бушприта, взрывной волной его отбросило далеко в сторону. Но он не утонул. Как-то выплыл и забрался на крупный обломок, оказавшийся поблизости. Уже после этого потерял сознание. Когда он очнулся, тумана уже не было, но ни корабля, ни кого другого спасшегося он не обнаружил. Только еще кое-какие обломки галеона вокруг, и все. Течением его, конечно, отнесло, но не слишком далеко. Он запомнил и точно описал то место, где он очнулся, и, зная скорость и направление течения в том месте, можно будет легко вычислить, где затонул галеон. Алонсо уверяет, что последние замеры лота говорили, что глубина была совсем небольшая – менее ста футов, и дно продолжало повышаться. Так что мы можем быть уверены, что сокровища лежат на небольшой глубине – мы их легко достанем с помощью опытных ныряльщиков.

– А что было дальше?

– Некоторое время он греб обломком доски. Вскоре его подхватило довольно сильное течение и отнесло далеко в направлении зюйд-ост-ост. Он двое суток мучился от жажды на своем обломке. Потом его подобрала рыбаки и высадили в своей рыбацкой деревне на побережье. Он просил их доставить его морем в Ларну, сулил большие деньги, но они наотрез отка-

зались. Тогда он нанял повозку до ближайшего городка – Сегильи, а уже там взял лошадей. Гнал трое суток на перекладных. Говорит, ему пришлось дорого заплатить.

– Ему придется заплатить еще дороже! За все! – злобно сквозь зубы прошипела герцогиня. – Неудачники всегда дорого платят за свои неудачи.

Потом продолжила нарочито жалостно:

– Бедный Алонсо! Удача была так близка к нам, и он все испортил. Но надо исправлять его ошибку, мой милый Фердинанд! – она подошла к нему ближе, многозначительно посмотрев ему в глаза.

– Да, госпожа! – выдохнул он, прильнув горячими губами к открытому плечу герцогини. Она величественно уклонилась от него, легонько шлепнув по губам:

– Ну-ну, Фердинанд, сначала о деле. Ты должен собрать экспедицию и достать сокровища со дна моря. Координаты и точное место, где они лежат, мы знаем. Ты должен поторопиться. Время не ждет, а нам очень, очень нужны эти средства.

– О, Эльза! Я достану тебе эти сокровища и брошу их к твоим ногам! – Фердинанд сказал это с неподдельным жаром и уверенностью. В глазах его светилось торжество: его вечный соперник за место у ног герцогини, дон Алонсо, повержен окончательно. Осталось поставить последнюю точку.

– Эльза, а что прикажешь делать с Алонсо?

– Бедный сумасшедший Алонсо... О нем никто не должен больше слышать. Спрячь его подальше, но не убивай. Да, еще: ты уверен, что он единственный, кто спасся с галеона?

– Так утверждает Алонсо.

– И все-таки постарайся, пожалуйста, чтобы он был действительно единственным. Ты меня понял?

Глава 4. Спасение Старого Питера

В ту жуткую туманную ночь Старому Питеру повезло – он не сгорел в пламени пожара, его не сожрал дракон, он не утонул в водах Архипелага. Через два, три или, может быть, четыре часа (старик тогда не чувствовал хода времени), уставший и измотанный, он выбрался на пустынный берег какого-то острова. Уже совсем без сил, на одной лишь силе воли, он дополз до прибрежных зарослей и упал без чувств.

Очнулся он, когда солнце уже перевалило за полдень. Тумана не было.

В голове возникли картинки прошедшей ночи, и сначала у него было такое ощущение, что ему приснился кошмарный сон. Но нет, все это было наяву. Корабль уничтожен, команда погибла. Он остался жив, но надолго ли? Совершенно один на безвестном необитаемом острове с чудовищем, которое обитает где-то в этих краях, – свои шансы на выживание старик оценивал не очень высоко.

И все-таки он не собирался смириться с участью обреченного. «Нет... Я выживу... Хотя бы ради моих девочек, моих внуков... Я не оставлю вас... Старый Питер еще попляшет на вашей свадьбе...» – старик стиснул зубы.

Два месяца назад, уходя в это плавание, он дал себе зарок, что оно – последнее его участие в гнусных делах Фердинанда. Он согласился лишь, когда Фердинанд поклялся, что впредь оставит его в покое. С тяжелым сердцем Старый Питер уходил в плавание – не на доброе дело и не по своей воле. Но он сорвется с крючка Фердинанда, на котором болтался уже столько лет. Он вернется богатым и свободным, и его девочки не будут ни в чем нуждаться. Он станет настолько богатым, что они будут самыми завидными невестами во всей Ларне!..

И вот теперь все рухнуло. Пошло прахом вместе с галеоном. И то, что хоть как-то оправдывало его участие в пиратском походе в его же собственных глазах, – обретение свободы от Фердинанда и обещанное богатое вознаграждение – рушилось тоже. Да и сама жизнь его болталась на тонком волоске.

Старик выбрался из прибрежных зарослей на берег и осмотрелся. Он был на небольшом песчаном пляже, окаймлённом скалистыми уступами. Чтобы осмотреть остров, нужно было подняться куда-то повыше, что он и сделал, взобравшись по камням на ближайшую вершину.

Море с видневшимися тут и там скалистыми островами – Архипелаг...

Чуть в стороне, совсем рядом, его взору предстали останки галеона, еще державшиеся на воде. Галеон сгорел не полностью, потому что горел неравномерно. Огонь начался и наиболее сильно бушевал на баке, ближе к фок-мачте. Когда эта часть галеона прогорела так, что огонь добрался до малого носового порохового погреба, раздался взрыв. Нос галеона разнесло в куски. В трюмы резко стала набираться вода. Корабль начал быстро погружаться в воду с большим креном на нос. Это погасило бушующее пламя, и теперь несгоревшая кормовая часть торчала из воды почти вертикально. Образовавшаяся внутри воздушная пробка не давала останкам корабля затонуть. Был прилив, и он не спеша, словно всасывая, относил эти останки в небольшую бухту скалистого острова, на котором спасся старый моряк.

Перед Старым Питером теперь стояли две задачи – выжить и вернуться домой. Увидев корму галеона, которую вносило в бухту, старик понял, что с первой задачей он, скорее всего, справится – на галеоне (вернее, на том, что от него осталось), который теперь был в его распоряжении (из этой бухты теперь он никуда не денется), наверняка найдутся запасы и воды, и пищи, и различных инструментов.

«Выживу... Если только меня не сожрет дракон», – невесело усмехнулся старик.

Вторая задача – вернуться в Ларну – казалась сложнее. Но ее решение пока можно отложить. Сначала надо добраться до галеона.

С отливом вода ушла из бухты, и останки галеона прочно сели на мель. Старый Питер вплавь добрался до того, что совсем недавно было мощным красавцем-кораблем, а теперь представляло собой груды дерева. Корма, косо торчавшая из воды, была сильно разрушена. Однако огонь ее не тронул. И взрыва на корме не было. Об этом говорил характер разрушений, замеченный Старым Питером еще до того, как он добрался вплавь до галеона.

По сильно накрёненной палубе, цепляясь за все, что попадалось на пути, Старый Питер забрался на корму и стал обследовать то, что ему досталось в наследство.

В каюте капитана он ожидал обнаружить тот самый сундук с сокровищами, о которых шепотом поговаривали матросы. Кое-кто из них, в том числе и он сам, видел этот сундук еще во время штурма галеона. Но капитан дон Алонсо сразу наложил на него свою лапу, а недовольным быстро разъяснил в свойственной ему манере, кто здесь хозяин: один наиболее охочий до поживы, протянувший к сундуку свои руки, тут же лишился кисти, и, воя от боли, зажимал уцелевшей рукой обрубок, из которого хлестала кровь.

Старый Питер за свою немалую, бурную и не всегда праведную жизнь много повидал всего, и драгоценных побрякушек тоже. Но в тот момент, когда еще распаленный дракой дон Алонсо откинул тяжелую дубовую крышку сундука, представшая перед их глазами картина поразила даже его. Кованый сундук был наполнен крупными алмазами чистейшей воды, среди них, словно крупные капли крови, посверкивали рубины. В отдельном ящичке были отсортированы изумительные изумруды. В мешочках – упакованы обработанные бриллианты.

– О дьявол! – только и смог тогда произнести в восхищении дон Алонсо, и Старый Питер в душе согласился с ним. Дон Алонсо некоторое время зачарованно пересыпал алмазы из ладони в ладонь. Алмазы, как крупные сверкающие капли застывшей влаги, скользили меж пальцев и падали вниз с ласкающим ухо звуком.

Эти воспоминания роем пронесли у него в голове, когда он лихорадочно карабкался вверх к каюте капитана. Странна все-таки человеческая натура. Несмотря на свое нелегкое, почти безнадежное положение, после потрясений минувшей ночи, заброшенный на неизвестный остров вдали от цивилизации, он, вместо того, чтобы думать просто о том, как выжить, и позаботиться о самом необходимом: воде и пище, – вместо этого он был весь захвачен желанием еще раз увидеть тот сундук с сокровищами!

Но его ждало разочарование. Каюты капитана не было! На ее месте в корпусе корабля зиял пролом. Даже не пролом. Похоже было на то, что чьи-то гигантские челюсти (и старик догадывался, чьи) просто выгрызли в этом месте верхнюю палубу, служившую потолком капитанской каюты, и часть переборок. Вся обстановка, что была внутри, сейчас грудой лежала в углу, образованном сильно накренившимся полом и передней стенкой каюты. Но сундука с сокровищами там не было.

Поразмыслив над увиденным, старик присвистнул:

– Однако, похоже, что эта тварь интересуется не только человеческими головами, но и камешками тоже, – ему было очевидно, что дракон после того, как вволю позавтракал командой, спустился на корму галеона, выгрыз часть палубы, которая мешала ему добраться до сундука, схватил и унес его.

– Но как он узнал о них? Чует он их, что ли? И зачем они ему, эти сокровища?

Эти вопросы, которые Старый Питер задал самому себе, остались без ответа. Он лишь озадаченно покачал головой.

Только теперь, еще раз окинув взглядом разоренную каюту капитана, старик решил заняться более насущными делами. Тщательно обследовав каюты и те помещения в трюме, которые не были залиты водой, он вскоре нашел так нужные ему запасы еды и воды. Но самое главное, он обнаружил занайтованную капитанскую шлюпку. Она оказалась цела – ни огонь, ни дракон ее не тронули. Капитан, который должен был и мог бы воспользоваться этой шлюпкой при кораблекрушении, в самом начале нападения дракона бросился, как припомнил старик,

на нос корабля и впоследствии, видимо, отрезанный стеной огня, так и не смог ею воспользоваться.

– Ну что ж... Да упокоит Господь его душу. Теперь я, кажется, смогу вернуться домой. Жалко вот, сундучок пропал. Чертов дракон! Если бы не он, камешками можно было бы набить карманы, а потом и за сундучком можно было бы вернуться.

Стоило Старому Питеру подумать о драконе, как он тут же с опаской посмотрел в ту сторону, где еще сегодняшним ранним утром разыгралась трагедия. Там, в нескольких милях к юго-западу, виднелся другой остров, поднимавшийся мрачной скалистой громадой, на которую была нахлобучена шапка грозových облаков. Он заметил, как от нее отделилась черная точка. Привычно подумав о морской птице (чайка или альбатрос, или еще какая), старик уже отвернулся, как вдруг сообразил, что на таком-то расстоянии это должна была быть очень неа-аленькая птичка. Он всмотрелся еще раз в приближающуюся точку. Уже стали видны размеренные взмахи крыльев. Сомнений не было – на фоне угасающего закатного неба к нему летел дракон.

Старый Питер медленно и спокойно, чтобы не выдать себя движением (дракон был пока еще далеко, но черт его знает, какой остроты у него зрение), забрался внутрь корабля и забился в самый дальний угол. В висках стучала только одна мысль: «Если он опять подожжет корабль, мне конец!»

Взмахи исполинских крыльев приближались. Дракон сделал круг над бухтой и останками галеона, издал утробный рык и улетел. Старик перевел дух.

Поразмыслив, он решил переночевать здесь же, на галеоне, в соседней с капитанской каюте для важных пассажиров. Плотно поужинал найденными запасами, не забыв отдать должное ямайскому рому из капитанских запасов, и стал устраиваться на ночь. Крен был большой, что не позволило ему с комфортом расположиться на кровати под балдахин, но он соорудил себе вполне приличную постель в углу комнаты и постарался уснуть.

Сон его был тревожным и чутким. Под утро, перед самым рассветом, он опять услышал звук взмахов гигантских крыльев дракона. Сон как рукой сняло. Сердце старика чуть не выскочило из груди от страха. Он клял себя, обливаясь холодным потом, что остался ночевать на галеоне и не успел, как вчера, спрятаться поглубже внутрь корабля. Но на этот раз дракон хоть и сделал, как и накануне, круг над бухтой, но круг этот был шире и не так низко, как в прошлый раз. Дракон улетел, и старик смог перевести дыхание: «Пронесло!»

Придя в себя после пережитого испуга, Старый Питер вновь обрел присущее ему любопытство:

– Похоже, милая птичка охотится по ночам. Интересно бы узнать, где находится ее гнездышко?

Следующий день он провел в приготовлениях к отплытию. Еще раз осмотрел шлюпку – нет ли каких щелей, пробоин. Загрузил в нее все необходимое, но на воду спускать не стал. «С этим чудовищем надо быть предельно осторожным. Буду исходить из предположения, что оно чертовски умно. Останки корабля его явно интересуют, недаром он каждый раз, пролетая мимо, делает над ним круг. Если я сейчас спущу шлюпку на воду и сразу не уберусь подальше, то он может заметить изменения, и кто его знает, как он отреагирует. Нет уж, шлюпку надо спускать в самый последний момент перед отплытием. А отплывать я буду завтра утром, сразу после того, как дракон вернется после ночной охоты куда-то к себе».

Весь день дракон не появлялся. Ближе к закату Старый Питер вернулся на берег, устроил себе наблюдательный пункт в скалах и стал ждать. Как и вчера, когда закат уже догорал, появился дракон. Он опять, не снижаясь, облетел вокруг бухты и улетел на север. В этот раз старик хорошо разглядел его, хотя и трясся от страха.

Чудовище поражало воображение. С виду это была огромная рептилия размерами футов семьдесят, а то и все сто, размах крыльев мог достигать футов восьмидесяти или больше. Удли-

ненная шея и хвост. На хвосте – шип. Ничего «огнедышащего» в его пасти не было видно. Но от этого она не становилась менее ужасной. Мощные лапы с огромными когтями во время полета были вытянуты вдоль туловища.

Чтобы утром не терять времени, старик вернулся на галеон и переночевал там. Перед рассветом дракон вернулся, но уже не стал делать круг над бухтой, а сразу улетел на свой остров. Как только дракон скрылся, Старый Питер спустил шлюпку на воду. Не дожидаясь начала отлива, он взялся за весла. Ему было уже не двадцать лет, не тридцать и даже давно не сорок, но он был мужик жилистый, подналег на весла и вывел шлюпку в открытое море. Там поставил парус и, поймав ветер, направился в сторону острова дракона.

Идея его была и смела, и очень опасна. Его путь лежал на зюйд-зюйд-вест. Дракон же летал на охоту на северо-восток. Так что остров дракона лежал прямо у него на пути. Миновав его, он сразу выпадал из области охоты дракона. Но для этого ему нужно было проплыть мимо острова в непосредственной близости от него. Конечно, он мог бы взять на запад, в открытый океан, сделав большой крюк в обход острова, но это была бы большая потеря времени. Суток трое, не менее. На запасах, которые он взял с собой, он мог продержаться неделю. Выход в открытый океан на утлой шлюпке, да еще с таким ограниченным запасом, не известно, чем может закончиться. Плыть на восток, в лабиринт островов Архипелага, постоянно рискуя разбиться на рифах в хаосе течений, он тоже не решился.

Старый Питер выбрал быстрый риск и направился прямо в сторону острова дракона. К тому же его съедало любопытство, он хотел увидеть логово дракона, ведь где-то там лежат те самые несметные сокровища, которые унес дракон. И может быть, не только они...

До заката ему обязательно надо было миновать остров и уйти как можно дальше за него на юг. Ветер помогал старику. Через два часа он достиг острова дракона. Если чудовище днем контролирует окрестности острова, то он обречен. Старик прекрасно понимал это, но старался не думать об этом. Он правил в обход острова с востока и всматривался в угрюмые скалы. «Интересно, где он прячется? Где его логово?»

За очередным скалистым мысом перед ним вдруг открылся глубокий фиорд, уходящий вглубь острова. Остров был как бы рассечен глубокой извилистой трещиной с почти отвесными стенами. Более зловещее место трудно было себе представить. Старик всем нутром своим почувствовал, что дракон там. Там, где-то в глубине этого фиорда и было его логово.

Шлюпка уходила дальше, и фиорд слился с общей скалистой массой острова. Все было тихо.

Еще долго остров маячил зловещей громадой за покачивающейся кормой шлюпки, пока не скрылся за темнеющим уже горизонтом. Перед Старым Питером лежал открытый путь домой.

Глава 5. Энрике Корда в Ларне. Рассказ старины Джо

«Есть, есть на свете, мой друг, благословенные земли, словно созданные Творцом для счастья и радости. Где воздух напоен ароматами южных цветов и синего-синего моря. Где небо простирает свою чистейшую бирюзу над благоуханными садами и виноградниками на склонах гор, плавными волнами подступающими к морю и обрывающимися в него живописными скалами. Множество тихих бухт скрывается в сильно изрезанной скалистой береговой линии с многочисленными зелеными островами. Белые паруса яхт, рыбацких суденышек и больших кораблей украшают пейзаж романтикой дальних странствий и радостью возвращения в родные края.

Благословенная Илирия! Люблю тебя и твой простой народ, добродушный и отважный, спокойный своим трудом и вспыльчивый своими страстями, умеющий любить свой дом и наслаждаться дальними странствиями, благоустроивший свою землю и покоривший многие мили заморских путешествий. Здесь перемешались домоседы и неудержимые авантюристы, моряки и виноградари, рыбаки и ремесленники, честные торговцы и контрабандисты. Люблю твои уютные прибрежные городки, с домами, теснящимися на берегу, и узкими чистенькими улочками, сбегаящими к сердцу каждого города – площади у главной пристани порта. Люблю и столицу твою – прекрасную Ларну с великолепием дворцов вельмож и красивым герцогским замком на утесе над бухтой и над всем городом.

Склоняюсь к мысли, что когда-нибудь переберусь именно сюда и поселюсь в одном из чисто выбеленных домиков с тенистым садом и с видом на бухту.

Вот только... Вот только, чтобы герцогиня... убралась бы куда-нибудь подальше... А я уж приложу для этого кое-какие усилия...»

Так, или примерно так, мысленно рассуждал некто Энрике Корда (была у него такая странная привычка – рассуждать с самим собой), лениво шурясь от солнечных бликов, отражающихся от небольшой ряби на водном зеркале бухты, и потягивая свой утренний martini.

Облюбованное им место – тенистая открытая терраса ресторанчика «Морской Дюк». Он сидел в уютно поскрипывающем плетеном кресле под сенью старого платана и любовался открывающимся с террасы видом на портовую бухту с пирсами для стоянок многочисленных рыбацких посудин, дорогих яхт знати и судов покрупнее, лениво следил за неспешно снующими яхтами.

Энрике Корда – действительный член Королевской Академии и Естественнонаучного Географического Общества Ольвинии. А прибыл он в Ларну по поручению своего Общества с чисто научными целями – организовать небольшую топографическую экспедицию в северные территории, к так называемому Архипелагу – огромному лабиринту угрюмых скалистых островов. Малоизученные, суровые и пустынные края, о которых ходит множество легенд и темных историй, связанных с пиратами, разбойниками и даже, смешно сказать, с драконами.

Трудно набрать людей для путешествия в столь неприветливые края. Но Корда надеялся, что неплохие деньги, которые можно будет заработать в этой экспедиции, помогут ему найти и уговорить нужных людей. Он избрал морской маршрут, поэтому в первую очередь ему понадобится опытный лоцман, хорошо знающий те края. Небольшую шхуну он уже присмотрел и приценился, а местные портовые власти посоветовали ему поговорить со Старым Питером: дескать, он именно тот человек, кто ему нужен. Но ему также сообщили, что сейчас Старого Питера нет в городе, и нет его уже месяца два, но он может вернуться в любой момент. Корде ничего не оставалось, как ждать, одновременно присматривая замену на тот случай, если старый лоцман не объявится в ближайшую неделю-две.

Как выяснил Корда, Старый Питер промышлял в основном рыбалкой. Ходил за тунцом и меч-рыбой, особенно ценившимися на рынке Ларны, но, конечно, не в качестве простого

рыбака (те времена давно уже прошли), а в качестве штурмана. Его интуиция и доскональные знания моря, островов, лучших и безопасных фарватеров очень ценились капитанами рыбацких судов. Иногда порт занимал его лоцманом для проводки кораблей по сложному фарватеру. А изредка, когда получал выгодное предложение, он нанимался на суда в более длительные плавания. Но годы уже брали свое, и это случалось нечасто. Однако именно сейчас он, похоже, находился как раз в таком плавании.

– Между прочим, тебе, парень, чертовски повезло – старина Питер только что вернулся. Я встретил его час назад. Но ты его сейчас не беспокой. Вид у него был очень уж потрепанный. Совсем старик измотался, – говоривший помолчал, потом покачал головой и продолжил. – Да-а, поди ж ты, вернулся старик. А то ты бы тут мог сидеть и ждать его неизвестно сколько. Старый Питер частенько пропадает черт-те где.

Собеседник Корды многозначительно посмотрел на опустевшую кружку пива. Беседа происходила вечером того же дня в таверне «Пивная бочка». Это было заведение попроще «Морского Дюка», и Корда заглянул сюда вечером пообщаться с народом, с морячками, с бывальными людьми, узнать, если удастся, побольше об интересующих его вещах – о Старом Питере, о других шкиперах, о северных территориях, о том, как туда добраться. Да мало ли что может пригодиться.

Потягивая у стойки довольно приличное пиво и неспешно посматривая на публику в зале, Корда обратил внимание на добродушного толстяка, которого, казалось, все знали и любили, так как почти каждый входивший широко улыбался, увидев его, и радостно приветствовал. «Вот кто может быть мне полезен» – подумал Корда и, взяв еще одну кружку пива для толстяка, подсел к нему за столик. Они разговорились.

Оказалось, что Старина Джо здесь был своего рода исповедником. Его любили, ему доверяли, с ним делились своими проблемами, советовались. И так само собой получилось, что к нему стекалось множество самой разнообразной информации. Когда-то и сам он много повидал, будучи боцманом на большом корабле, но потерял ноги в одном из сражений с пиратами. Существенная толика жалости к безногому вместе с присущим ему человеческим обаянием раскрывали перед Стариной Джо человеческие души. Парни делились с ним своими проблемами, планами, рассказывали о походах, событиях, приключениях. Он утешал, давал дельные советы или просто выслушивал, если не мог ничем помочь, – уже одно это иногда значит для человека очень много. А за это он всегда имел здесь кружку пива (или чего покрепче) и порцию вареных бобов с рыбой.

Он был в курсе всех портовых и городских новостей, сплетен, слухов, но делился ими далеко не с каждым. Однако с Кордой они быстро нашли общий язык, как-то сразу понравившись друг другу. Поговорили о том о сем. Но стоило Корде упомянуть имя Старого Питера, как Старина Джо завелся с пол-оборота. Дальше Корде оставалось только время от времени следить, чтобы в кружку Старины Джо вовремя подливали пива, и слушать.

Из этого очень содержательного разговора Корда узнал, что Старый Питер – презанятная личность. Ходят слухи, что раньше он был лихим моряком, не гнушался связями с контрабандистами, а скорее всего – и с пиратами. Последнее было сказано доверительным шепотом.

– Слушай, старина, а откуда тебе все это известно? Ты, небось, и приврать горазд!?

Старина Джо расплылся в добродушной улыбке:

– А что, может, иногда и привру немного. Там чуть добавлю, здесь чуть приукрашу. Ведь я как считаю? Такое вранье – оно и не вранье вовсе. Это – как соль, перчик, чесночок. Без него любая голая правда – скучная преснятина, никакого удовольствия и трудно переваривается! – громко расхохотался безногий толстяк.

Вот что узнал Энрике Корда от Старины Джо о Старом Питере и его семье.

Старый Питер жил вместе с двумя своими внуками – Еленой и Джулией. Их родители погибли, когда девочки были еще совсем маленькими. Молодой Питер, их отец (Питеров так

и различали, называя одного – Молодой Питер, а другого – Старый Питер), и его жена Марта служили при дворе герцогини Эльзы и исчезли при невыясненных обстоятельствах. Власти объяснили это несчастным случаем. Старому Питеру пришлось взвалить заботу о внучках на себя. Это ничуть не тяготило его, ведь он во внучках души не чаял. Заботило его только одно – как обеспечить им счастье и достаток. Ради этого он продолжал свою беспокойную жизнь моряка, рыбака, лощмана, ввязываясь порой во всякие темные делишки. Во время длительных отлучек Старого Питера заботу о девочках брала на себя добрая тетушка Инга.

Девочки росли очень разные. Елена, суций чертенок в юбке, вечно пропадала на море. Она любила плавать и нырять, целые дни напролет купалась и соревновалась с мальчишками в умении доставать кораллы и жемчужины со дна моря. К шестнадцати годам ей не было в этом равных.

Джулия была совсем другой. Книги были ее стихией. Она много читала, училась, была задумчива, мягка и добра.

Разница в возрасте между ними была всего год. Девчонками они очень часто ссорились и дрались между собой. Но как-то незаметно с годами это преобразилось в очень тесную дружбу близких и родных людей, хотя и таких разных.

Джулия со временем серьезно увлеклась книгами по медицине и лекарскому искусству. Ее часто можно было видеть в местном госпитале, где она помогала ухаживать за больными и незаметно осваивала ремесло врача. Елена же продолжала вести беззаботный образ жизни.

Обе с годами превратились в красавиц. Елена, высокая и стройная, спортивного сложения и веселого общительного нрава девушка, была кумиром молодежи Ларны. Кружила головы парням налево и направо. Джулия – скромница и умница, вела совсем другой образ жизни, ее красота была не такой яркой и фонтанирующей, как у ее старшей сестры, но у мужчин, которые оказывались в зоне ее поражения, оставалось необъяснимое чувство прикосновения к чему-то высокому, чистому и прекрасному.

Старый Питер обожал обеих своих внучек и делал все, чтобы обеспечить им достойную жизнь. И ему это вполне удавалось, особенно в последние год—два – из своих длительных морских походов он привозил немалые деньги. Как правило, это были экспедиции, снаряжавшиеся самой герцогиней – на ее деньги и ее людьми, но они всегда были чем-то подозрительны. То ли тем, что моряки после возвращения из этих экспедиций не так, как обычно, гуляли в портовых кабаках – дым столбом, душа нараспашку. Они были молчаливы и не очень-то трепались о своих приключениях. Это все давало пищу слухам о не очень чистых делишках, которые проворачивали эти экспедиции. Контрабанда? Каперство? Что-то еще похлеще? Но слухи слухами, а прямых доказательств не было. Да и все старались придерживать длинные языки, так как к тому времени в Ларне уже появились тайные соглядатаи герцогини. Тайные-то тайные, но тайной это было только для совсем уж слепых и глухих.

Походы эти были рискованными – немало моряков так и не вернулось в родные края. Как объясняли товарищи погибших – кто утонул во время шторма, кто погиб во время стычек с пиратами, кого унесла тропическая болезнь. Моряки мрачно шутили по этому поводу, что наверняка и дракон кого-то сожрал.

– Старина Джо, а расскажи-ка мне эту легенду про дракона. Я, конечно, ее слышал, но хотелось бы ее послушать именно здесь, как ее передают люди в том месте, где эта легенда и возникла.

– Дружище Эрни, – с легкой издевкой усмехнулся старина Джо, – если ты хочешь услышать красивую сказку, то ведь я не сказочник, да и ты уже вышел из того возраста, когда любят слушать сказки. А вот если хочешь узнать кое-что серьезное и не совсем обычное, что ж, я могу тебе кое-что поведать. А уж верить этому или нет – тебе решать.

– Старина, ведь ты же знаешь, что я собираюсь именно в те края, и любая информация будет мне не лишней.

– Ну что ж, слушай.

Лицо его посерьезнело, и он начал:

– В недобрые края ты собрался...

Северные территории, Терра Нортос, были отделены от Илирии большим горным массивом, за которым климат резко менялся. И если по эту сторону гор он был мягким и теплым, то с той стороны, открытой холодным северным ветрам, он был гораздо жестче. Густые таежные леса тянулись на огромные расстояния с юга на север и с запада на восток. На западе, в море у самого побережья были разбросаны острова Северного Архипелага – хаос огромного количества мелких и не очень скалистых островов, поросших лесом, в которых и обитало это таинственное существо.

Говорят, раньше их, драконов, было больше. Сколько? Этого никто не знает. Они питались в основном крупными морскими животными, китовыми, – касатками, полосатиками, дельфинами, не брезговали и тюленями. Но, знающие люди говорят, что самой излюбленной их добычей были люди. Причем дракон пожирает не все тело, а лишь человеческие головы. Именно поэтому после нападения дракона в море вылавливает много обезглавленных тел.

Редко кто отваживался забредать в те края, еще реже возвращались оттуда живыми. Поэтому все торговые пути проложены подальше от тех мест. Именно поэтому и сведения о драконах очень скудны, таинственны и противоречивы.

Говорят, например, что дракон сразу чувствует человека и затем начинает целенаправленную охоту за ним до тех пор, пока не съест. Другие же говорят, наоборот, он прячется от людей в самые глухие места. Так или иначе – встретить человека, который воочию видел дракона, практически невозможно. По крайней мере, сейчас. А раньше...

Раньше самые отважные время от времени отправлялись на охоту на дракона. Из таких охотников ни один не вернулся. Людям нелегко признать себя слабее кого-то в природе. Может быть, именно поэтому сложилась легенда о том, что дракон вовсе не такой уж непобедимый. Просто охотник, победивший дракона, сам становился драконом. Ну, это-то уж точно красивая легенда. Но факт остается фактом – никто из охотников на дракона не вернулся.

Последний из них, Ирвин, сгинул лет уже двадцать назад. Они пошли на дракона вдвоем – он и его девушка, не помню уже, как ее звали, кажется, Челита. Отважные были люди. Он славился меткостью и своим мощным бьющим без промаха арбалетом. Она была известной целительницей и ведуньей. Но ни его, ни его подруги так с тех пор никто не видел.

– А что собой представляет сам дракон? Какой он?

– Ну, это чудовище очень похоже на то, как его обычно представляют в книжках. Это что-то вроде огромного летающего крокодила с крыльями. Такие... как у летучих мышей... Размерами он, говорят, футов сто, не меньше! Может, преувеличивают. Длинная шея и хвост. А на хвосте у него есть специальный крюк. Люди видели, как он им охотился на молодых китов. Со взрослыми-то ему тяжелее, убить-то он его убьет, а вот как унести? Ну а молодяк, или, скажем, дельфины, – так это как раз его. Летит этак над самыми волнами, и когда кит показывается на поверхности, он этим крюком ударяет его в основание головы – и уже потом мертвого кита, если, конечно, он не очень большой, хватает когтистыми лапами и уносит. А более мелких так он просто поддевает этим крюком, выбрасывает из воды и хватает лапами прямо на лету.

– А плавать он может?

– Да нет, как же! Ему же крылья мешают. Да и с воды подняться в воздух как? Нет, точно не может.

– Ну а огонь он, как, действительно изрыгает?

– Не изрыгает, а плюется. Во рту у него, конечно, ничего не горит, но когда слюна его попадает на что-то горючее, то сразу вспыхивает. Говорят, так он и корабли поджигал, и целые деревни. Но все это слухи о давно минувшем. Может, даже если он и был когда-то, этот дракон, то сейчас уж наверняка издох.

Они еще некоторое время говорили о драконе, о разных невероятных историях, связанных с ним. Но Корда видел, что старина Джо уже здорово набрался и начинает молоть всякую чушь про сокровища дракона, о том, что он – хранитель несметных богатств, и про то, что он нападает только на те корабли, что везут большие ценности.

Улучив момент, Корда распрощался со своим новым приятелем, расплатился и ушел – у него уже было достаточно пищи для размышлений.

Глава 6. Король Эдгар и принц Эдвин. Матримониальные планы

Ольвиния, когда-то процветающее королевство, ближайший сосед и союзник герцогства Илирии, переживало не лучшие свои времена. Финансы королевства были в полном расстройстве. Заморские колонии, на которых во многом держалось могущество королевства, последние два года почти не давали дохода. Нет, их земли не перестали приносить богатые урожаи кофе, какао, пряностей, что являлось их главными статьями экспорта. Их копи и рудники не истощили свои запасы драгоценных камней и серебра. Беда заключалась в том, что вот уже второй год подряд корабли, отправлявшиеся два раза в год из Ларны (порт находился в совместном владении Илирии и Ольвинии) и перевозившие полугодовую выручку колоний в метрополию, бесследно пропадали. Словно злой рок преследовал их. Шторма, пожары, пираты ли губили эти корабли? Конечно, корабли и раньше, бывало, пропадали. Но это не происходило с такой роковой неизбежностью. Увы, судьба, видимо, была неблагоприятна к Ольвинии и старому королю Эдгару.

Король Ольвинский Эдгар очень надеялся на галеон «Св. Себастьян», который ушел в колонии два месяца назад. Как доносил королю его наместник, сборы за последний период были особенно высоки, и капитан Солана должен был доставить в Бренн, столицу Ольвинии, огромные ценности. Они позволят королю расплатиться почти со всеми долгами. А долги у Ольвинии накопились немалые. Главным кредитором была герцогиня Эльза, правительница Илирии, которая последнее время все чаще и чаще поднимала неприятные вопросы о погашении задолженности и была готова занять очень жесткую позицию. То обстоятельство, что Илирия была дружественным государством, а герцогиня была королю Эдгару почти родственницей, никак не облегчало его положения.

И все-таки, все-таки даже эти средства, которые вот-вот должны прибыть с галеоном, не могли решить всех проблем, и король последнее время пребывал в глубокой задумчивости. Он пытался найти хоть какой-то выход из создавшегося тяжелого положения.

«Я уже стар. Годы мои неумолимо подходят к концу. Что оставляю я своему сыну? Нищую страну? Всю в долгах».

У короля был наследник – сын от первого брака, принц Эдвин. Его мать, Изабелла, умерла сразу после родов. Эдвин рос хорошим мальчиком. Ну, может быть, немного избалованным. Сейчас это был красивый юноша, умный, но довольно своенравный. Весь в отца – говорили окружающие. Уже недалеко было то время, когда он примет от отца бремя власти, и король Эдгар сможет спокойно уйти на покой. Однако сложное положение королевства и его королевского дома омрачало мысли короля Эдгара о будущем, о будущем наследника.

Но вот в какой-то момент ему показалось, что он нашел выход. Надежду в его душе пробудила идея, даже не идея, а мечта, которая воплощала в себе давнишние планы и чаяния короля и его второй жены – Катрионы. Король Эдгар решил в своем сыне осуществить их с Катрионной давнюю мечту. В осуществлении этой мечты и был выход из создавшегося положения.

Этой спасительной идеей-мечтой была свадьба – свадьба принца Эдвина и свояченицы короля – герцогини Илирийской Эльзы.

Герцогиня была младшей сестрой Катрионы, второй жены короля Эдгара. Тогда, двадцать лет назад, Катриона сама была правящей герцогиней Илирийской. Красивая романтическая история наделала много шума в свое время. Король Ольвинии Эдгар и герцогиня Илирийская Катриона полюбили друг друга и решили соединить свои судьбы. И не только свои судьбы. В их ближайших планах был серьезный политический ход – объединение их владений, королевства Ольвинии и герцогства Илирии, в мощное единое государство. Это можно было

бы считать утопией, если бы эта идея не была близка и народам обеих стран. Дело в том, что исторически Ольвиния и Илирия были очень близки и тесно связаны и культурой, и языком, и экономикой. Очень многие семьи по обе стороны границы имели родственников с другой стороны. Так что идея объединения упала в благодатную почву.

Конечно, у этого плана были противники. В основном это были правители соседних государств. Они отнюдь не были заинтересованы получить у себя под боком столь мощного соседа, каким стало бы объединенное государство Ольвинии и Илирии. Но Эдгар и Катриона упорно шли к этому решению, подготавливая для этого почву у себя в странах и пытаясь изменить настроение своих соседей.

Через год после свадьбы, как и положено, у них родилась дочь Жюли – прелестное дитя. Все складывалось прекрасно, и впереди, казалось, их ждало счастливое будущее. Но...

Все расстроила внезапная смерть Катрионы. Через восемь лет после свадьбы тяжелый недуг унес жизнь Катрионы – бедняжка угаšla на глазах любящего супруга. Беда не приходит одна – еще через год злой рок отнял у короля и его юную дочь. Жюли шел уже восьмой год, когда это произошло. Девочка очень любила море и часто гостила в Ларне. Ее любимым занятием были морские прогулки на яхте. И вот из одной из таких прогулок она уже не вернулась. Никто не знает, что произошло, – море умеет хранить свои тайны. На поиски были брошены все силы – но безрезультатно. Малышка пропала. Вместе с яхтой и экипажем.

Король Эдгар был сам не свой от горя. Сначала смерть любимой жены, потом смерть дочери надолго выбили его из седла. Все расстроилось.

Правящей герцогиней после смерти Катрионы стала ее младшая сестра Эльза. Тогда Эльзе было всего девятнадцать лет, но она оказалась жесткой и умелой правительницей, несмотря на свой юный возраст. Не прошло и двух месяцев, как она сумела все взять в свои изящные ручки и решила вести свою независимую политику. Очень скоро обнаружилось, что цели этой политики совершенно не совпадали с целями ее покойной старшей сестры. О прежних планах уже не могло быть и речи.

С тех пор король замкнулся в себе. Дела королевства пошли неважно, а последнее время – и вовсе плохо.

Однажды, во время одного из недавних официальных визитов короля Эдгара в Ларну, на приеме в замке герцогини взгляд короля, печальный и словно отсутствующий, случайно остановился на стоящих рядом и беседовавших друг с другом принце Эдвине и герцогине Эльзе. Образ этих двух молодых людей вызвал в его памяти образы его счастливого прошлого, когда вот так же они с Катрионной были молоды и счастливы, строили грандиозные планы. Он вздохнул и печально улыбнулся своим воспоминаниям. Но вдруг его словно осенило!

Он стал внимательнее присматриваться к этим двоим – и скоро заметил, что герцогиня Эльза оказывает его сыну Эдвину чуть большие знаки внимания, чем это положено по протоколу. Она чаще обращалась к нему, улыбалась ему.

«Боже мой! Да ведь это прекрасно! – думал король, вдохновленный новой идеей. – Что ж, нам с Катрионной не удалось осуществить нашу мечту, так, может быть, это удастся сделать Эдвину и Эльзе. Ну, она немного старше Эдвина. Но это пустяк. Зато какая женщина! И кажется, она равнодушна к Эдвину. Прекрасно, прекрасно... Интересно, заметил ли Эдвин этот интерес к себе? Как он к этому отнесся? С ним надо поговорить...»

Но прежде чем говорить об этом с принцем, король Эдгар созвал на совет ближайших своих вельмож, с кем он уже многие лета делил бремя власти в стране и советы которых очень ценил. Он рассказал им о своих матримониальных планах. После некоторого обсуждения большинство решило, что это действительно может быть спасительным выходом из создавшегося положения, да еще и с многообещающими перспективами. Большинство, но не все.

– Милорд, эта свадьба может быть удачным ходом, – высказал свое особое мнение тайный советник короля дон Витторио. – Но вы не учитываете одного, а именно – личность возможной

невесты. Герцогиня Эльза. Это жесткая и своенравная женщина. Принц Эдвин перед ней – мальчишка. Уверены ли вы, что он в этом браке сумеет занять доминирующее положение? Не кажется ли вам ее поведение в последнее время несколько подозрительным?

Ему возразили: у Эдвина будет сильная поддержка в лице его друзей и государственного совета. На это дон Витторио заметил, что на супружеском ложе достоинства герцогини легко могут перевесить все мудрейшие советы его друзей.

И все же бенефиции от этой свадьбы были настолько заманчивы, что было принято решение действовать именно в этом направлении. Одновременно послать в Илирию надежного человека, чтобы он внимательно изучил изнутри ситуацию в Илирии и происходящие там процессы, а особенно все то, что связано с герцогиней, а по возможности – и предпринял необходимые меры, если того потребует ситуация. Какие меры и какая ситуация имелись в виду, дон Витторио (а это по его настоянию было принято такое решение) не стал уточнять, лишь попросил короля предоставить ему соответствующие полномочия на организацию этой деликатной миссии.

Король Эдгар, со своей стороны, должен был серьезно поговорить с принцем о важном политическом ходе, в котором тот должен был сыграть одну из центральных ролей.

Когда королевский посыльный передал принцу Эдвину желание короля видеть своего сына сегодня же вечером за ужином, принц досадливо поморщился. Он уже собирался отбыть в Ларну, где его ждала романтическая встреча. Он был в радостном предчувствии чудесного времени, которое он опять проведет в Ларне вместе с красавицей Еленой, и тут вдруг это препятствие...

Однако надо сказать, что в его легком и светлом чувстве, которое всегда возникало у него в груди, когда он думал о Елене, завелась небольшая червоточинка. Последнее время до него стали доходить слухи о Елене и некоем Антонио. В глубине души он не верил, что за этими слухами стоит что-то серьезное. И все-таки... Какое-то беспокойство тревожило его при мыслях о Елене. Свидание должно было состояться на следующий день на яхте в порту Ларны, и он рассчитывал рассеять это беспокойство (он не мог поверить, что Елена может предпочесть ему, принцу крови, кого-то другого) и устроить, как обычно, веселую прогулку на яхте.

Яхты были одним из самых сильных увлечений Эдвина. И самым удобным местом, где он мог удовлетворять эту страсть, была Ларна – столица владений его неродной тетки, герцогини Эльзы. Он увлекся яхтингом недавно и выпросил у герцогини разрешение инкогнито, без всяких церемоний, посещать Ларну. В порту его всегда ждала великолепная яхта, но мало кто знал, кому она принадлежит. Принц всегда был в форме простого матроса и старался ничем не отличаться от обычных членов небольшой команды яхты. Это позволяло ему свободно овладевать навыками хождения под парусом, наслаждаться ветром, морем и свободой от докучливой придворной жизни, и он по несколько дней пропадал в море. А с тех пор, как принц познакомился с Еленой, его увлечение еще больше окрепло, и его тайные поездки в Ларну стали еще более частыми.

И вот планы на ближайшие дни рушились. Но тут уж ничего не поделаешь, поездку в Ларну, а значит и встречу с Еленой, придется отложить. Желание отца – закон.

К назначенному времени принц вошел в королевскую столовую. Ужин не был официальным, и все было без особых церемоний. Король уже сидел за столом и беседовал о чем-то со своим советником, потягивая аперитив.

Принц подошел к отцу, почтительно припав на одно колено, поцеловал его руку. Король улыбнулся ему:

- Эдвин, сын мой, надеюсь, мое приглашение поужинать вместе не нарушило твои планы.
- Добрый вечер, отец. Что за срочность? Вы же знаете, что я собирался отбыть в Ларну.
- Мой мальчик, Ларна подождет. Нам надо с тобой серьезно поговорить.

Король замолчал, собираясь с мыслями. Потом начал издали:

– Эдвин, ты уже большой мальчик, и я буду говорить с тобой не как со своим сыном, не как с молодым повесой, но как с женщиной, наследником, с будущим королем. Нет, нет. Помолчи и не перебивай меня, – король сделал жест рукой, пресекая все возможные возражения принца. – Я старался воспитывать тебя так, чтобы ты понял с самых юных лет, что твоя жизнь принадлежит не тебе, а королевству, что ты будешь ответственен за его будущее, за судьбы целого народа. Извини меня, может быть, за чересчур напыщенные слова, но сейчас для этого вполне подходящий момент. Я обращаюсь к тебе как к наследному принцу Эдвину Ольвинскому. Мой мальчик, постарайся все личное на время отодвинуть в сторону, и выслушай меня как трезвый политик, будущий король.

Король замолчал, давая Эдвину время прочувствовать серьезность этой преамбулы. Эдвин внутренне собрался: «Ого, видно, что-то и впрямь серьезное».

Эдвин любил отца, глубоко его уважая и немного побаиваясь. Но эта отроческая боязнь строгого отца (а Эдгар бывал иногда строг с сыном) происходила из опасения не оправдать его доверия и тех надежд, что отец на него возлагал. И эта боязнь в конце концов заставляла Эдвина более строго относиться к себе, и со временем, по мере взросления и обретения уверенности в себе, переплавлялась в еще большее уважение к отцу. Отец отвечал ему тем же.

И сейчас Эдвин был горд тем, что отец наконец-то решил обратиться к нему с чем-то действительно серьезным, и был готов сделать все, что в его силах, чтобы оправдать доверие отца. Но то, что он услышал вслед за столь возвышенным вступлением, сначала обескуражило его, потом рассмешило и, наконец, повергло в мучительную необходимость принятия непростого решения.

Король спросил без всякой видимой связи со сказанным перед этим:

– Эдвин, как ты относишься к герцогине Эльзе? Как к человеку и как к женщине?

Ошеломленный, озадаченный, смущенный принц Эдвин ворочался в своей постели в покоях королевского дворца и никак не мог заснуть. В голове снова и снова появлялся вопрос, на который он не мог ответить: «А как же Елена?» На одной чаше весов лежало блестящее будущее правителя объединенного государства Ольвии и Илирии, власть и уважение народов и государей, жена – блестящая герцогиня Эльза (Боже мой, моя тетка Эльза! Со смеху умереть!). На другой – веселая портовая девчонка, с которой ему было легко и весело, с которой он плавал и танцевал, безумно целовался. Девчонка, которую он, кажется, любил. Какая чаша перевесит?

Нельзя сказать, что решение далось ему легко, но по истечении бессонной ночи, к утру, оно было принято. Свое решение он оправдывал словами отца:

– Пойми, мой сын. Королям часто не суждено выбирать себе жен. Но возможность любить у них все-таки остается.

«Елена! Я надеюсь, ты поймешь меня. Нам надо лишь немного подождать, и мы снова будем вместе».

И все равно в глубине души он чувствовал себя предателем и подлецом. Как утопающий хватается за соломинку, так и он ухватился за подленькую мысль, что ведь и Елена, как ходят слухи, не без греха. Нет дыма без огня, и у Елены с Антонио наверняка что-то было...

Глава 7. Две сестры. Поклонники Елены

Елена стояла на самом краю скалы, отвесно обрывающейся в море. Привычный холодок восторга и опасности, всегда наполнявший ее грудь перед прыжком, заставлял сердце биться чуть чаще. Ее загорелая фигурка эффектно выделялась на фоне бездонного синего неба. Под ней – неудержимо притягивающая аквамариновая глубина. Окинув прищуренным от яркого солнца взглядом окружающий вид: далекую линию горизонта, море в солнечных бликах, маленькие с высоты рыбацьи лодки, соседние скалы с белой пеной легкого прибоя у подножья, – она глубоко вздохнула, задержала дыхание и оттолкнулась, расправив, как крылья, руки. Ее тело на мгновение зависло в воздухе и... устремилось вниз.

Прыжок – вот истинное наслаждение, вмещающее в себя все три стихии – твердь, воздух и море. Черета ощущений, спрессованных в эти счастливые секунды, наполняла Елену звенящим восторгом: упругий пружинящий толчок от земли, свободный полет птиц в воздухе, пронзительный вход в воду, ее ласковые струи, обтекающие тело и чуть ли не струящиеся сквозь него, и опять парение, но теперь уже не в воздухе, а в трехмерной голубой прохладе воды.

Последнее время это чувство радости жизни, ее полноты, не покидало Елену. Это чувство жило в ней вместе с мыслями об Эвине. Он возник в ее жизни внезапно, как сказочный принц. Позже, когда она узнала, что Эвин действительно принц, она даже испугалась. Уж слишком все было похоже на сказку, на счастливый сон, который не мог продолжаться долго. И она боялась, что он вот-вот кончится.

Елене было не привыкать к вниманию мужчин. Она знала, что красива и нравится мужчинам. Она со своим веселым и озорным нравом пользовалась этим – напропалую кружила им головы. Все были влюблены в нее, но никто не мог похвастаться взаимностью. Она лишь смеялась над ними, изредка одаривая шутивными томными взглядами и невинными поцелуями. Ей доставляло удовольствие это поклонение мужчин, и она крутила ими, как хотела. Удивительно, что при этом никто из воздыхателей-неудачников не обижался на нее.

На Елену, казалось, невозможно было обижаться. Джулия, ее сестра, часто пеняла ей на то, что она так легкомысленно играет чувствами других. Но та, опять же со смехом, отвечала ей:

– Да что ты, глупышка! Они же все отлично понимают, что мы все весело играем. Им хорошо – и мне радостно!

– А ты не боишься, что найдется такой непонятливый, который воспримет твою игру всерьез и влюбится по-настоящему?

– Ну, тогда придется ему объяснить, – рассмеялась Елена.

– По-моему, объяснения в таких случаях не помогают – ты сделаешь человека несчастным.

– Фу, какая ты! Слушай, можно подумать, это ты – моя старшая сестра и делаешь мне наставления. А старшая сестра – я. И нечего приставать ко мне со всякими глупостями. Жизнь такая веселая, а ты – о грустном. Брось. Пойдем лучше на Белые Скалы. Я попрыгаю, а ты просто покупаешься и позагораешь.

– Елена, а вдруг ты влюбишься сама, а тот, которого ты полюбишь, посчитает это очередной твоей шуткой, несерьезной игрой?

– Ну уж нет! Пока не собираюсь! А если уж влюблюсь, то в принца! И влюблюсь так, что ему будет не до шуток! – рассмеялась она и выбежала из дверей.

Однако такие не понимающие шуток кавалеры обнаружили довольно быстро, в количестве двух штук. Первым был Антонио Каретха – ее друг и главный соперник в борьбе за титул лучшего ныряльщика в Илирии.

Они знали друг друга давно. Подростками вместе проводили время в море – купались, плавали, ныряли, играли. Антонио был немного старше Елены и выступал заводилой в их компании. Он во всем оказывался немного лучше других мальчишек: лучше плавал, лучше нырял, был сильнее и проворнее. Так что, естественно, он стал лидером в своей компании, а Елену, тогда совсем еще девчонку, он взял под свое покровительство.

Время пролетело незаметно, и Елена превратилась в удивительно красивую девушку. Некоторые, правда, говорили, что у нее слишком широкие плечи. А как же иначе! У хорошей пловчихи, какой она была, должен быть хорошо развит плечевой пояс. Но она была еще и отличной ныряльщицей. Объем легких при нырянии имеет большое значение, и именно он позволил ей стать лучшей, опередив в этом даже самого Антонио, до этого бывшего непревзойденным. Но эти злые языки недоговаривали. Да, у Елены был выдающийся объем легких, но к тому же у нее была поразительно тонкая и гибкая талия, переходящая в изящную линию бедер. Так что, плечи плечами, а все вместе формировало очень привлекательную, гармоничную женскую фигуру.

Антонио долгое время был лучшим ныряльщиком и прославился тем, что умел задерживать дыхание почти на семь минут и установил рекорд по глубине погружения – сто восемьдесят футов. Однажды они своей обычной компанией ныряли за кораллами у скал Сорвино. Глубины там доходили до трехсот и более футов, а самые красивые и крупные ветки кораллов можно было достать только с больших глубин.

Когда Елена вынырнула с одним из таких кораллов, все переглянулись: они-то знали, что на глубинах до ста пятидесяти футов все уже обчищено, и найти там такие, как этот, просто невозможно.

– Элли (так Елену звали среди своих), ты нас разыгрываешь! – недоверчиво усмехнулся Антонио. – Только я не пойму, где это ты их прятала, – твой купальник для этого явно не годится.

– Тони, если не веришь, можешь нырнуть за мной – там их много!

Они нырнули вместе, Елена чуть впереди, Антонио – за ней. По мере погружения сверкающая лазурная прозрачность воды, пронизанная солнечным светом, незаметно перешла в изумрудную прохладу, а Елена уходила все дальше. Справа от них вглубь, в зеленоватую мглу, уходила скальная стена. Глубина нарастала, и вдруг Антонио почувствовал, что дальше погружаться он не может, что он достиг своего предела, а Елена уходила дальше. «Что она делает, глупая девчонка!» Он стал дергать за веревку, которой они были соединены. Елена обернулась, и он жестами ей показал, что надо подниматься. Она помотала головой и хотела продолжить спуск дальше, но Антонио резче дернул за веревку и начал медленное всплытие.

Когда они вынырнули на поверхность и забрались в лодку, Антонио молчал. Их товарищи непонимающе переглядывались:

– Слушай, Антонио. Мы уже стали волноваться – вас долго не было. Почему пустые?

– Да все нормально, – ответил Антонио и обернулся к Елене. – Как ты себя чувствуешь?

– Не беспокойся. Думаешь, я это первый раз? Ты просто не знаешь, я ведь давно уже ныряю на большие глубины, только одна. Мне было интересно проверить себя.

– Глупая девчонка! Ты ведь могла погибнуть!

– Антонио, ты бы должен был уже заметить, что я уже не маленькая девочка и кое-что понимаю в нырянии, – с укоризненной улыбкой ответила Елена.

Вечером в кабачке «Старик Посейдон», традиционном месте отдыха их компании и своеобразном клубе всех ныряльщиков Ларны, Антонио торжественно снял символическую корону Короля Глубин и надел ее на голову Елены. Корона была великовата новой королеве. Елена лихо сдвинула ее набок и величественно протянула ручку Антонио для поцелуя, и тот шуточно-торжественно приложился к ней.

С тех пор отношение Антонио к своей подопечной изменилось. В нем словно открылось какое-то другое видение, он увидел Елену другими глазами и... влюбился в нее. Антонио оставался таким же отважным, лихим парнем, но рядом с Еленой он вдруг робел, часто краснел и смущался. Он старался скрыть свое чувство, но оно было так явно написано на его физиономии, на которой возникала чуть глуповатая смущенная улыбка, как только появлялась Елена, что всем было все ясно. «Пропал парень!»

Елена тоже видела все это, и это ее ужасно забавляло. Для нее Антонио по-прежнему оставался старым верным другом, на которого всегда можно положиться, с которым здорово плавать и нырять, провести вечер в «Старике Посейдоне». Он был для нее старшим братом, о котором она так мечтала в детстве. Но и только.

А Антонио? Антонио был безнадежен. Он стеснялся своего чувства и никогда не заговаривал с Еленой на эту тему. Для него Елена стала тем символом девичьей красоты и чистоты, с которой он был готов сдувать пылинки. Елену со временем это стало несколько раздражать, и она частенько, в шуточной форме, чтобы не обидеть, прогоняла его. Даже несмотря на то, что ей грозила более неприятная возможность: встреча со вторым своим кавалером.

Вторым не понимающим шуток поклонником Елены был Фердинанд – серьезный человек, гораздо старше ее и занимавший высокое положение при дворе герцогини. Он не был знатного происхождения – бывший сборщик портовых налогов, но своими отнюдь не человеколюбивыми методами пробившийся на уровень начальника всей налоговой полиции, а затем, поговаривают, ставший чуть ли не правой рукой герцогини. Власть над людьми – вот была его главная страсть. И он с упоением и даже некоторой виртуозностью шагал вверх по карьерной лестнице, ступая по головам окружающих. Чем выше он поднимался, чем больше он получал власти, тем более его ненавидели и боялись.

Настал такой момент, когда ему уже мало было просто власти над теми людьми, из среды которых он вышел. Он задумал завладеть и самой красивой девушкой Ларны – всеобщей любимицей Еленой. Он отнюдь не собирался жениться на ней. Нет, на счет женитьбы у него были совсем иные планы. Он просто хотел иметь ее как свою собственность.

Фердинанд понимал, что прямой атакой в лоб он ничего не добьется, – Елена испытывала к нему явную неприязнь. Поэтому начал он издали – со Старого Питера.

Когда погибли родители Елены и Джулии, на старого Питера обрушился груз забот о девочках. Первые годы им приходилось очень туго, Старый Питер добывал средства своим трудом, изо всех сил стараясь обеспечить девочкам приличное существование, а по возможности – и воспитание. Елена рано повзрослела, помогая деду по хозяйству, но уже лет в десять открылся ее замечательный талант, который существенно облегчил их положение.

Девочка ужасно любила море, любила плавать и нырять. Забавы ради, она со сверстниками ныряла с лодок, соревнуясь, кто глубже нырнет, кто дольше пробудет под водой. Потом стали нырять за кораллами, которые хорошо продавались на рынке. Елена так натренировалась, что без труда стала лучшей ныряльщицей среди своих сверстников в Ларне, а потом и во всей Илирии. Эта забава, сначала просто доставлявшая ей ребяческое удовольствие, переросла в серьезное увлечение, к тому же приносившее хоть и небольшой, но доход. А когда ей удавалось достать со дна моря жемчужину, это всерьез облегчало им жизнь. Но это случалось редко, и семья жила совсем не беззаботно.

Этим-то и решил воспользоваться Фердинанд. Сначала он исподволь сделал так, что дела у Старого Питера пошли совсем плохо. Собственный рыбачий баркас старика внезапно сгорел, капитаны других судов, заходивших в Ларну, нуждавшиеся в лоцмане, под всякими предлогами вдруг стали отказываться от его услуг, предпочитая других. Немного выждав, Фердинанд облагодетельствовал старика, взяв его на свою шхуну. Отчаявшийся старик принял это предложение – и несмотря на то, что недолюбливал Фердинанда, считал себя обязанным ему. В дальнейшем Фердинанд сделал так, чтобы это чувство старика окрепло еще больше.

Добившись от старика полной зависимости, он убил сразу двух зайцев. Во-первых, он получил в полное свое распоряжение лучшего лоцмана во всей Илирии. А во-вторых – надежное средство влияния на Елену: ей трудно было отказать деду в его просьбах.

Вместе с этим Фердинанд стал оказывать знаки внимания Елене. Сначала это были небольшие подарки, потом участвовавшие визиты Фердинанда в гости с более дорогими подарками, предполагавшими уже нечто большее, чем просто любезное внимание. Елене это очень не нравилось, но она поддавалась умоляющим просьбам деда быть с Фердинандом полюбознее, ведь от его благосклонности к ним зависело их существование.

Примерно за полгода до описываемых событий Старый Питер ушел в очередное плавание на корабле, снаряженном Фердинандом и по его прямому заданию. Девушки остались одни больше чем на месяц.

В тот день Фердинанд организовал вечеринку на своей шхуне. Он пригласил несколько важных персон Ларны со своими дамами и настоял на том, чтобы его гостьей была и Елена, которой по этому поводу было преподнесено красивое вечернее платье. Платье было действительно красивым, а Елена, неизбалованная красивыми нарядами, не смогла устоять и не удержалась от соблазна принять его и продемонстрировать новое платье на людях. К тому же она помнила просьбу деда, касающуюся Фердинанда, и была вынуждена принять приглашение.

Сначала она уговаривала себя, крутясь перед зеркалом и примеряя платье, что там будет весело, что ничего особенного, все будет хорошо. Но как только она поднялась на борт шхуны и увидела самодовольную ухмылку Фердинанда, встречавшего ее, настроение ее тут же упало.

Весь вечер она просидела с каменным лицом рядом с Фердинандом за столом, уставленным самыми изысканными блюдами. Гостей развлекал небольшой ансамбль музыкантов, неназойливо игравший чувственные илирийские мелодии. Вино было прекрасным, летний вечер – просто замечательным, но настроение у Елены было отвратительное. Настроение Фердинанда наоборот, было прекрасным. Он много и громко смеялся, шутил, рассказывая двусмысленные анекдоты свои гостям. Те тоже не оставались в долгу. Скоро выпитое вино еще больше разгорячило компанию. Разговоры и смех стали громче, шутки – фривольнее. Музыканты соответственно добавили мажорности в свое исполнение.

Елене вдруг стало настолько противно все: и смеющиеся, непрестанно что-то жующие рожки напротив, и самодовольная физиономия хозяина, и показавшаяся чрезвычайно пошлой музыка, – что она под предлогом «попудрить носик» вышла из-за стола, прошла по палубе на корму шхуны, подальше от ставшей невыносимой компании. Там она остановилась и глубоко вдохнула вечерний воздух.

На небо уже высыпали звезды, но пристань была хорошо освещена фонарями. Рядом со шхуной, почти вплотную к ней, стояла красивая яхта. Какой-то матрос на ней в одиночестве пощипывал струны гитары, мурлыча под нос незнакомую печальную мелодию. Елена невольно заслушалась красивой музыкой, но матрос играл тихо, просто для себя, и ей было плохо слышно. Когда он остановился, Елена негромко кликнула:

– Эй, парень! Сыграй, пожалуйста, еще. Погромче.

– Милая девушка, вам понравилась песня? – голос матроса был с чуть заметным приятным ольвинским акцентом. Лица его не было видно – оно скрывалось в тени. Елена же была хорошо видна на высокой корме шхуны, освещенная кормовыми фонарями.

– Да, очень! Только слишком тихо. Спой, пожалуйста, еще, погромче, – еще раз попросила она.

– Для такой красавицы, милая девушка, я готов петь хоть всю ночь! – по его тону чувствовалось, что он улыбается. Он взял несколько аккордов – и уже для Елены запел свою песню:

Красивая музыка, красивые слова, красивый чистый голос певца. Елена заслушалась, унеслась куда-то далеко-далеко, к тем дальним берегам, о которых пелось в песне. Подальше от Фердинанда и от его становившихся невыносимыми ухаиваний.

Она не слышала, как сзади к ней подошел Фердинанд. Он бесцеремонно схватил ее за руку и рывком повернул к себе. Он был уже сильно пьян, от него пахло вином и дорогими сигарами.

– Елена, крошка. Вот ты где! Я тебя ищу по всей шхуне. Нехорошо отделяться от общей компании, – голос его был спокоен, однако в нем сквозила сдерживаемая злоба, а в глазах был какой-то недобрый блеск.

Переход от того душевного состояния, в которое успела погрузиться Елена, к реальности, представшей в образе Фердинанда, был столь резким, что она не сумела спрятать неприязнь и брезгливость за любезной улыбкой. И это заметил Фердинанд. Через мгновение Елена справилась с собой и выдавила-таки из себя улыбку:

– Я просто вышла на свежий воздух подышать. Вообще-то я ужасно устала. Распорядитесь отвезти меня домой.

Сказав это, она отвела взгляд в сторону. Фердинанд взял ее за подбородок и повернул ее лицо к себе:

– Тебе не нравится наше общество? Ты предпочитаешь общество грязной матросни?

Он выразительно посмотрел в сторону соседней яхты, где все еще находился матрос, певший песню для Елены и ставший невольным свидетелем их разговора. Матрос отставил гитару в сторону и стоял в нерешительности. Ему явно не нравилась эта сцена, но он не знал пока, как реагировать.

Елена оттолкнула руку Фердинанда, державшую ее за подбородок:

– Вы хам, сударь! Пустите меня!

Елена сделала шаг в сторону, собираясь обойти Фердинанда и покинуть шхуну. Но Фердинанд резко остановил ее, рывком повернул к себе и ударил по лицу. Елена отшатнулась к самому борту.

Эта пощечина, которую нанес Елене Фердинанд, вывела матроса из состояния нерешительности. Два судна стояли почти вплотную друг к другу. Матрос прыгнул с яхты на шхуну, уцепился за фальшборт, подтянулся – и через пару секунд был уже на палубе шхуны, между Еленой и Фердинандом, который медленно и угрожающе приближался к ней.

– Сударь, а вы не очень-то любезны с дамой! – с этими словами матрос нанес прямой удар правой в челюсть Фердинанда. Тот не ожидал такого поворота дел, не сумел уклониться и отлетел в сторону. Встряхнув головой и придя в себя, он выхватил из ножен кортик. Оскал зловещей улыбки исказил его лицо. Он стал медленно подходить к матросу.

Но матрос оказался не робкого десятка и отреагировал почти мгновенно. Выхватив из-за пояса свой нож, он встал в позу готовности к серьезной драке. Фердинанд остановился и крикнул своим:

– Эй, вахтенный, быстро все ко мне на корму! Тут есть непрошенный гость.

Послышался топот бегущих ног.

Елена, стоявшая за спиной матроса, взяла его за руку и потянула за собой к левому борту шхуны:

– Надо сматываться отсюда. Сейчас их тут будет с десятков – ты ничего не сможешь сделать. Прыгай за мной. Плыдем к разбитой барже. Встретимся там.

Последние слова были сказаны так, чтобы их услышал только матрос. Он медленно, как бы нехотя, отступал за ней. Елена забралась на борт и в своем прекрасном вечернем платье прыгнула в море. Мгновением позже за ней прыгнул матрос. Вслед им неслись проклятия Фердинанда и крики подбежавших его людей.

Когда Эдвин вынырнул, а он плыл под водой как можно дольше, чтобы показаться на поверхности подальше от шхуны, он не обнаружил девушки, вслед за которой он прыгнул со шхуны. «Черт, где же она?» Он уже начал всерьез беспокоиться, когда почти бесшумно ее голова показалась над водой далеко впереди него. Ему ничего не оставалось, как плыть за ней,

удивляясь тому, как эта девушка легко обставила его, хорошего пловца и ныряльщика. Ему так и не удалось догнать ее, пока они не доплыли до полузатопленной баржи, стоявшей в глухом углу порта. Там она дождалась его, и по наклонной палубе они выбрались из воды на баржу, а с нее – на берег.

Погони они не обнаружили – Фердинанд прекрасно понимал, что в воде угнаться за Еленой невозможно, а шлюпки наготове у него не было.

Эдвин и Елена, совершенно мокрые, в прилипшей к телу одежде, представляли из себя довольно комичное зрелище. Немного отдышавшись, они посмотрели на себя и расхохотались.

– Не смотрите на меня – я в этом мокром платье как голая! – все еще смеясь, сказала Елена. И действительно, ее намокшее вечернее платье, еще недавно бывшее легким и воздушным, теперь стало совершенно прозрачным и практически ничего не скрывало.

– А я, по-моему, похож на мокрого кота, которого за шкурку вытащили из воды!

Первый, слегка нервический смех прошел, они успокоились, но продолжали улыбаться, глядя друг на друга. Было видно, что это доставляет удовольствие обоим.

– Ну что, мой спаситель, давайте знакомиться. Елена, – глядя прямо в глаза матросу, представилась Елена и протянула ему руку.

– Это еще надо разобраться, кто кого спас. Эдвин, – ответил Эдвин таким же открытым взглядом. – Нам где-то надо обсохнуть и отогреться – вы, наверное, замерзли, Елена, – как бы пробуя звучание ее имени, произнес Эдвин.

– Эдвин, – произнесла она его имя, тоже словно пробуя его на вкус. Потом продолжила:

– А пойдемте к нам, мы живем здесь, совсем недалеко от порта. Я познакомлю вас со своей сестрой, напою горячим чаем с ромом – мы быстро согреемся. Да и Фердинанд не посмеет вломиться к нам в дом.

Принц Эдвин часто вспоминал это их первое знакомство. С тех пор они стали встречаться, хотя и не так часто, как хотелось бы им обоим. И с каждой встречей их влечение друг к другу усиливалось, чувство росло и крепло. Принц не решался открыть Елене свое истинное положение и по-прежнему играл роль простого матроса. Но она быстро заподозрила, что Эдвин не так прост: уж слишком его манеры отличались от манер настоящих матросов, да и отношение членов команды его яхты к нему было другим. Этого нельзя было скрыть, хотя и принц старался держаться как можно проще, и команда яхты пыталась относиться к нему как к обычному члену экипажа.

– Эдвин, я знаю, что ты не тот, за кого хочешь себя выдать! Признайся, ты – ольвинский шпион, – смеясь, говорила Елена. – Твой акцент тебя выдает!

– Тс-с-с, – деляя страшные глаза, в тон ей отвечал Эдвин. – Нет, я не шпион. Я просто очень важная ольвинская шишка, сбежавшая из Ольвинии от назойливых слуг.

– О, я знаю, кто ты! Ты будешь моим тайным принцем! Ты мой самый любимый принц, – шептала она ему на ушко, – просто ты временно превращен злой волшебницей в простого матроса.

– А ты – моя морская принцесса. Один плохой волшебник превратил тебя в сухопутную красавицу, но я знаю другого хорошего волшебника, который снова сделает тебя настоящей принцессой.

Фердинанд через своих агентов уже на следующий день узнал, чья это яхта и кто был тем матросом, с которым он дрался на шхуне. «Ну что ж, принц. Ты еще узнаешь, что такое месть Фердинанда. И ты, моя милая крошка, тоже узнаешь это. Клянусь всеми чертями!»

Однако реальные шаги к исполнению своей угрозы Фердинанду пришлось отложить до более подходящего момента. Принц был слишком важной фигурой, и до него было не так просто добраться даже Фердинанду. Елена же, наоборот, была слишком мелкой фигурой – пешкой, которая даже не участвовала в той партии, что начали разыгрывать герцогиня с Фер-

динандом. Так что Фердинанду просто на какое-то время пришлось отложить в сторону свою ненависть к обоим. «Я не спешу. Мой час еще настанет».

Уходим мы за море, Сьюзен.
Померкли вдали берега,
На море, на бедную землю
Ложится прощальная мгла.
И гаснет маяк вдалеке,
Не успев разгореться.
И чайки не кричат.
И поник и затих твой крик.
Только звук твоих шагов
Слышу я везде и всюду.
Сью! Лишь звук твоих шагов
Слышу я и зову тебя,
Зову у дальних островов.¹

¹ Парафраз песни А. Берковского «Сьюзен».

Глава 8. Коварные планы герцогини

Грандиозная партия, которую разработала и разыгрыванию которой посвятила свою жизнь герцогиня Эльза, впервые возникла в ее головке в зачаточном варианте в тот момент, когда у ее старшей сестры Катрионы, в то время правящей герцогини Илирийской, родилась дочь. Власть в герцогстве передавалась по прямой линии, не по старшинству, и Эльза вдруг поняла, что этой самой власти, о которой она грезила с самого детства, ей теперь уже совершенно точно не видать.

Ей было лет тринадцать, когда в маленькой девочке вдруг родилась такая необузданная жажда власти, что она решила во что бы то ни стало добиться ее. Кто бы мог подумать, что в этом совершенно обычном на первый взгляд, ну, может быть, немного замкнутом ребенке исподволь растет такая всепоглощающая страсть! Взрослея, она только укрепляла себя в этой решимости, прилагая все свои силы к подготовке всего необходимого (и в первую очередь себя саму) для осуществления этой мечты. Она отлично училась, упорно занималась спортом, воспитывала в себе силу воли, жестокость и коварство. Могла ли девочка, девушка сознательно развить в себе эти качества? Но так ли уж важен ответ на этот вопрос. Важно лишь то, что они действительно стали ей присущи в девятнадцать лет, когда она сделала первый реальный шаг к осуществлению задуманного.

Катриона была сначала полностью поглощена своей любовью к королю Эдгару, потом к этому добавились их совместные планы объединения их владений, потом родилась дочь. Эльза была полностью предоставлена самой себе, и никто не интересовался тем, чем живет, о чем думает, о чем мечтает, к чему стремится эта девочка.

А ее целью была власть. Много власти. Она была так близка к ней, ведь ее старшая сестра была правящей герцогиней Илирийской. Но близок локоток, да не укусишь. Те почести, что оказывали младшей сестре герцогини, она воспринимала как насмешку над собой. Когда Катриона влюбилась в короля Эдгара, у Эльзы возникла надежда, что после свадьбы Катриона откажется от герцогства в пользу Эльзы и станет королевой Ольвинской. Но ее ждало страшное разочарование. Катриона не только не отказалась от герцогства, но и задумала вместе с королем Эдгаром объединить Ольвинию и Илирию в единое государство. Это Эльза восприняла как покушение на личную собственность. У нее, у Эльзы, собираются отобрать ее собственность – герцогство! Это переполнило ее чашу терпения и толкнуло на шаг, ненавязчиво подсказанный ей одним любезным послом соседнего Арзийского королевства.

Как-то на одном из балов по случаю какой-то незначительной даты, на котором присутствовали дипломатические посланники, барон фон Геймниц рассказал принцессе Эльзе о чудодейственных восточных снадобьях, которые дают человеку легкую как сон смерть, и что действие этого снадобья не сможет распознать ни один из докторов. Принцесса Эльза, изобразив из себя экзальтированную романтическую дурочку, воскликнула: «Ах, вот идеальное средство от несчастной любви! Барон, достаньте мне его! Если я буду иметь несчастье влюбиться без надежды на взаимность, я не хочу долго мучиться! Лучше смерть! Достаньте мне его, барон! Умоляю вас!»

Через месяц посыльный доставил принцессе небольшую коробочку с приложенной к ней запиской. В записке значилось: «Средство от несчастной любви». В коробочке был маленький флакончик с прозрачной жидкостью. Эльза сразу сообразила, что это такое. Действие этой жидкости она сначала решила проверить на одной из своих горничных, которая разбила ее любимое ручное зеркальце. Она не стала себя особенно утруждать, разрабатывая план убийства, чтобы скрыть преступление, или выдумывая подходящий повод. Эльза просто налила стакан воды, капнула в него из флакона и, позвав горничную, попросила ее выпить из стакана.

Через три дня горничная тихо умерла.

Через месяц принцесса Эльза гостила в Бренне у короля Эдгара и Катрионы. Катриона умерла через три дня после ее отъезда. Никому и в голову не пришло сопоставить эти две странные смерти. Доктора определили естественную смерть герцогини от внезапной остановки сердца.

Принцесса Эльза добилась своего. В неполные двадцать лет она стала герцогиней Илирийской. Однако было одно «но». Время ее правления ограничивалось моментом совершеннолетия маленькой принцессы Жюли, дочери Катрионы и короля Эдгара. В день совершеннолетия Жюли герцогство должно быть автоматически передано ей. Этот факт определил новое направление мыслей Эльзы – маленькая Жюли была обречена.

Год ей потребовался на то, чтобы полностью взять власть в свои руки. Жестоко ошиблись те, кто рассчитывал, что юная герцогиня обопрется на более опытных в государственных делах вельмож, а также те, кто считал, что она продолжит линию Катрионы на сближение с Ольвинией. Нет, у нее были собственные планы. Она ловко сколотила свою собственную партию из новых людей, приближенных ею к себе, к власти, всем обязанным ей и лично преданным ей. Она оказалась настолько изощренной в искусстве манипуляции людьми, их интересами и страстями, их достоинствами и недостатками, что этому можно только удивляться.

Через год она подготовила и осуществила устранение Жюли. Конечно, не она сама, а ее люди. Было инсценировано нападение пиратов на прогулочную яхту с юной принцессой на борту, которая зашла слишком далеко в море от безопасных вод Ларнийского залива. Единственный спасшийся матрос утверждал, что пираты яхту сожгли, а экипаж со всеми, кто был на борту, был убит. Впрочем, на прямой вопрос, видел ли он своими глазами мертвое тело девочки, матрос не смог ответить ничего определенного. Это сохраняло надежду на то, что девочку оставили в живых, чтобы продать ее где-нибудь на рынке рабов или потребовать за нее большой выкуп. Король Эдгар был готов заплатить любую сумму. Но время шло, а выкуп никто не требовал. Гонцы, посланные на невольничьи рынки, тоже вернулись ни с чем. О Жюли не было никаких вестей.

Теперь власти герцогини Эльзы ничто не угрожало, и несколько лет она спокойно наслаждалась своим положением правительницы Илирии. Но со временем ей стало скучно. Ее деятельной натуре недоставало действий, интриг, ей стало не хватать власти над небольшой, в общем-то, Илирией. И в ее изощренном мозгу родился новый коварный план.

Герцогиня задумала осуществить старый план короля Эдгара и покойной сестры Катрионы, план объединения Ольвинии и Илирии. Но сделать это она решила немного по-другому, то есть попросту прибрать к рукам соседнюю Ольвинию. Тихо, мирно, без войн, пальбы из пушек, без кавалерийских атак и прочих штучек, которыми так любят забавляться мужчины. О нет! Она, женщина, сделает это гораздо более эффективно!

Первое, с чего она решила начать, – это с основы всякого государства, с финансов. Существенная часть поступлений в казну Ольвинии шла из колоний, и маршрут этих поступлений проходил через Илирию, ведь у короля Эдгара не было другого, более удобного выхода к морю. Вот тут-то она и увидела слабое место – и решила перекрыть этот маршрут, перехватывая поступления и кладя их в свой собственный карман. Только делать это нужно было так, чтобы Илирию ни в коем случае нельзя было заподозрить.

Вторым пунктом в ее плане был принц Эдвин. Король Эдгар уже стар, и власть совсем скоро должна перейти к Эдвину. Принц Эдвин – молодой, интересный мужчина. Холостой. Следовательно, молодая, красивая женщина вполне может рассчитывать получить этого мужчину в свою собственность, женив его на себе. Необходимо только, чтобы эта женщина была достаточно умна для того, чтобы сделать это тонко и естественно.

Герцогиня Эльза была красивой и умной женщиной, и разработку этого пункта своего плана она не решилась доверить никому, кроме себя самой. Главную роль в осуществлении задуманного должна сыграть реанимация старой идеи короля Эдгара и Катрионы об объеди-

нении Ольвинии и Илирии. И надо сделать так, чтобы инициатива исходила от самого короля. Пусть это будет его идея – это снимет сразу множество препятствий. А потом... Все в этом мире смертны. И принц Эдгар в том числе...

Другое дело – пункт номер один. Здесь ей никак не обойтись без помощников. К тому времени у нее уже были два нужных ей человека. Это были ее фавориты. Один – аристократ, морской капитан, красавец и авантюрист дон Алонсо ди Сааведра. Второй – ловкий, беспринципный, преуспевший чиновник Фердинанд Солд. Они были соперниками во всем, и это соперничество было только на руку герцогине. Именно с ними она и разработала детали операции по перехвату сокровищ, которые направлялись из заморских колоний Ольвинии через Ларну в Бренн.

Было решено, что лучше всего это делать далеко в море, захватывая корабли с сокровищами, инсценируя пиратское нападение. Тогда ни одна тень подозрения не ляжет на Илирию. Дон Алонсо взял на себя морскую часть операции, а Фердинанд должен был организовать шпионскую сеть в Ольвинии и при дворе короля Эдгара, которая должна позволить заранее узнавать сроки и маршруты следования кораблей из колоний.

Серьезные дела не терпят суеты. Два года назад герцогиня приступила к реализации этого плана. Она не спешила и шла к цели осторожно, без лишней суеты. Сначала пункт номер один. И корабли с сокровищами стали пропадать. Один, другой, третий. Вот пропал и последний галеон, «Св. Себастьян». Но с ним вышла осечка. Груз драгоценностей не только не дошел до Бренна, но ускользнул и от герцогини. А в этот раз там были поистине большие сокровища. Они нужны были герцогине, ведь последнее время расходы стали непомерно велики – на укрепление тайной полиции, создание агентурной сети, и не только в Ольвинии, на подкупы, интриги, снаряжение тайных экспедиций и прочее. Она не могла их упустить – это грозило бы срывом всей операции. Кроме того, герцогиня не привыкла себя в чем-то ограничивать. Она жила на широкую ногу, ее двор славился своей пышностью и роскошью. Так что эти сокровища ей были просто необходимы.

Возникло и другое непредвиденное обстоятельство, поставившее на грань срыва планы герцогини. Оно было связано с пунктом вторым ее плана.

Поначалу все развивалось как нельзя лучше. Великолепная лицедейка, герцогиня очень тонко показала, что влюбилась в принца Эдвина. Король клюнул на это. Более того, агенты доносили, что король вдруг вспомнил о своих мечтах относительно слияния Ольвинии и Илирии и связывает их с принцем и герцогиней. Все шло по ее плану! И вдруг...

И вдруг она узнает от Фердинанда, что принц Эдвин увлекся какой-то портовой девчонкой. И увлекся серьезно! Это взбесило герцогиню. Ее великолепный план, продуманный до мельчайших деталей и уже начавший успешно осуществляться, теперь мог рухнуть из-за какой-то портовой девки! Если она заморочит принца, он может потерять голову и не клюнет на приманку герцогини. А, судя по донесениям, дело идет именно к этому. Все было поставлено под угрозу. Ситуация выходила из-под контроля. Надо что-то предпринимать.

Фердинанду было дано поручение скомпрометировать Елену в глазах принца. Что может быть проще! И до ушей принца доброжелатели очень быстро донесли слухи о том, что Елена благосклонна не только к принцу. Преуспевшим соперником был, по слухам, ее давний друг – молодой моряк и ныряльщик Антонио Каретха.

Глава 9. Подготовка экспедиции

Старый Питер вернулся через день после возвращения дона Алонсо. Весь путь до Ларны он проделал так, чтобы как можно меньше попадаться на глаза возможным людям Фердинанда, и домой он пробрался под покровом темноты, стараясь, чтобы его никто не заметил. Зачем ему понадобилась такая конспирация? Старик понимал, что судьба пропавших сокровищ не может не интересовать герцогиню, а значит – и Фердинанда, который из кожи вон вылезет, чтобы получить хоть какую-то информацию о том, что произошло с галеоном. А это значит... Это значит, что Старому Питеру нужно крепко подумать о том, как себя вести, – на карту могут быть поставлены его собственная жизнь и безопасность его девочек.

Желание увидеть внучек и убедиться, что с ними все в порядке, пересилило доводы разума, который говорил ему, что сначала нужно где-то отсидеться, осмотреться – и лишь потом принимать какое-то решение. Ночью он тихонько прокрался к их домику с заднего двора и легонько постучал в окно. В доме было тихо и темно. Он постучал еще раз, уже громче. Через пару минут в окне показалось сонное лицо Елены. Она чуть было не закричала от радости, увидев деда, но, заметив приложенный к губам палец старика, подавила чуть было не вырвавшийся крик.

Все эти наивные предосторожности не помогли. На следующий день Фердинанд от своих агентов уже знал о том, что старый лоцман уже в городе, и отправился во дворец к герцогине с важной информацией, которая требовала немедленных решений и действий.

Она приняла его в библиотеке – ее любимом рабочем месте. Книги были ее страстью, и здесь, среди них, она чувствовала себя окруженной многочисленными верными помощниками. Фердинанд же, наоборот, не любил это место. Войдя, он внутренне слегка поежился и сразу начал:

– Моя герцогиня, есть новость. Старый Питер, лоцман с галеона «Св. Себастьян», объявился в Ларне.

Он замолчал, давая герцогине время, чтобы оценить важность сказанного, и готовясь принять любую реакцию.

– Так, – герцогиня недобро усмехнулась. – Вот и еще один из тех, кто знает о сокровищах. В компанию к нашему бедному дону Алонсо. Чтобы ему было не так скучно. Ну и что же ты предполагаешь с ним делать?

Фердинанд сглотнул неприятный комок в горле:

– Я думаю сначала понаблюдать за ним, узнать, что у него на уме, что он собирается делать. Конечно, проще сразу взять его – Краузе быстро развяжет ему язык. Но простое решение не всегда бывает самым правильным.

– Время, Фердинанд, время. Как долго ты собираешься наблюдать за ним?

– Ну, я думаю, он проявит себя за два-три дня.

Герцогиня в задумчивости прошла по комнате. Подошла вплотную к Фердинанду.

– А как подготовка нашей экспедиции?

– Шхуна будет полностью готова через пару дней.

– А этот старик-лоцман... Как я понимаю, это твой человек?

– Да, герцогиня. Но он мой только потому, что я держу его на крючке. Была бы возможность, он давно бы сорвался. Заверяю, я держу его крепко.

Герцогиня скептически посмотрела на своего верного Фердинанда:

– Так ли уж крепко? Не сорвался ли он уже?

– Нет, герцогиня! Впрочем... – Фердинанд запнулся, – это я узнаю в ближайшие день-два. Если он до послезавтра не даст мне знать о себе, то... сами понимаете.

– Он уже сразу не явился к тебе, – герцогиня произнесла это с нажимом на «уже», – это уже о чем-то говорит.

– Да, но все-таки его можно понять. Первым делом он поспешил домой к своим девчонкам – его внучкам. Он не видел их два месяца. Старик сентиментален. Но если через день он не явится ко мне...

– Так-так. Заботливый дедушка. Кстати, не его ли это внучка, некая Елена? Ты, кажется, хорошо знаешь ее, – герцогиня опять недобро усмехнулась и многозначительно посмотрела на Фердинанда.

– Да, дорогая Эльза, я знаю ее, – чувствуя подвох, Фердинанд перешел на менее официальный тон, стараясь показать герцогине, что он не только ее верный слуга, но и преданный поклонник, и другие женщины просто не могут его интересовать. Стараясь быть непринужденным, он продолжил:

– Живя в Ларне, Елену трудно не знать. Она заметная девушка и очень популярна у простолюдинов.

– Популярна? Фердинанд, это что – эвфемизм? – в голосе герцогини слышалась нескрываемая злая насмешка. – Раньше о шлюхах ты говорил гораздо проще.

– Но Эльза! – уже почти оправдываясь, проговорил Фердинанд. – Она не шлюха. Говоря о ее популярности, я имел в виду именно ее популярность. Ее все знают и любят.

– Даже ты? А, Фердинанд?

Этот вопрос заставил Фердинанда побледнеть. Герцогиня все-таки женщина, и если она уличит его в неверности... Уж кто-кто, а Фердинанд знал, какой может быть месть герцогини. Это может плохо кончиться для Фердинанда.

Однако у Фердинанда были закаленные нервы, и он сумел улыбнуться и со слегка наигранным возмущением ответить, приложив руку к сердцу:

– Эльза! Ты же знаешь, что моя душа, мое сердце, весь я принадлежу только тебе!

Но минутный испуг Фердинанда был напрасен. Герцогиня, хоть и знала об истории с Еленой (впрочем, она знала и о других его проделках), считала ниже своего достоинства испытывать хоть что-то похожее на чувство ревности. Ревновать? Кого? Фердинанда? К кому? К каким-то девчонкам? Ни он, ни они не были этого достойны.

Совсем другое дело – верность ей как герцогине. Тут она не потерпит предательства! Но здесь она была совершенно спокойна. Пока сила на стороне герцогини, Фердинанд будет ей предан.

Как Фердинанд ни старался, герцогиня почувствовала его испуг. И это ее даже позабавило. Она снисходительно улыбнулась:

– Ну-ну, Фердинанд! Не надо патетики. Я тебе верю... – Герцогиня выдержала эффектную паузу. – Пока...

Фердинанд порывисто припал на одно колено и поцеловал руку герцогине. Герцогиня величественно позволила ему это, потом отняла руку. Про себя она подумала: «Ах, Фердинанд, Фердинанд. Я знаю, что ты ненавидишь ее. И знаю, за что, шалунишка! Но главное – ненавидишь! И в этом мы с тобой совпадаем. А значит, ты с удовольствием исполнишь то, что я хочу. Потому что этого хочешь ты сам».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.